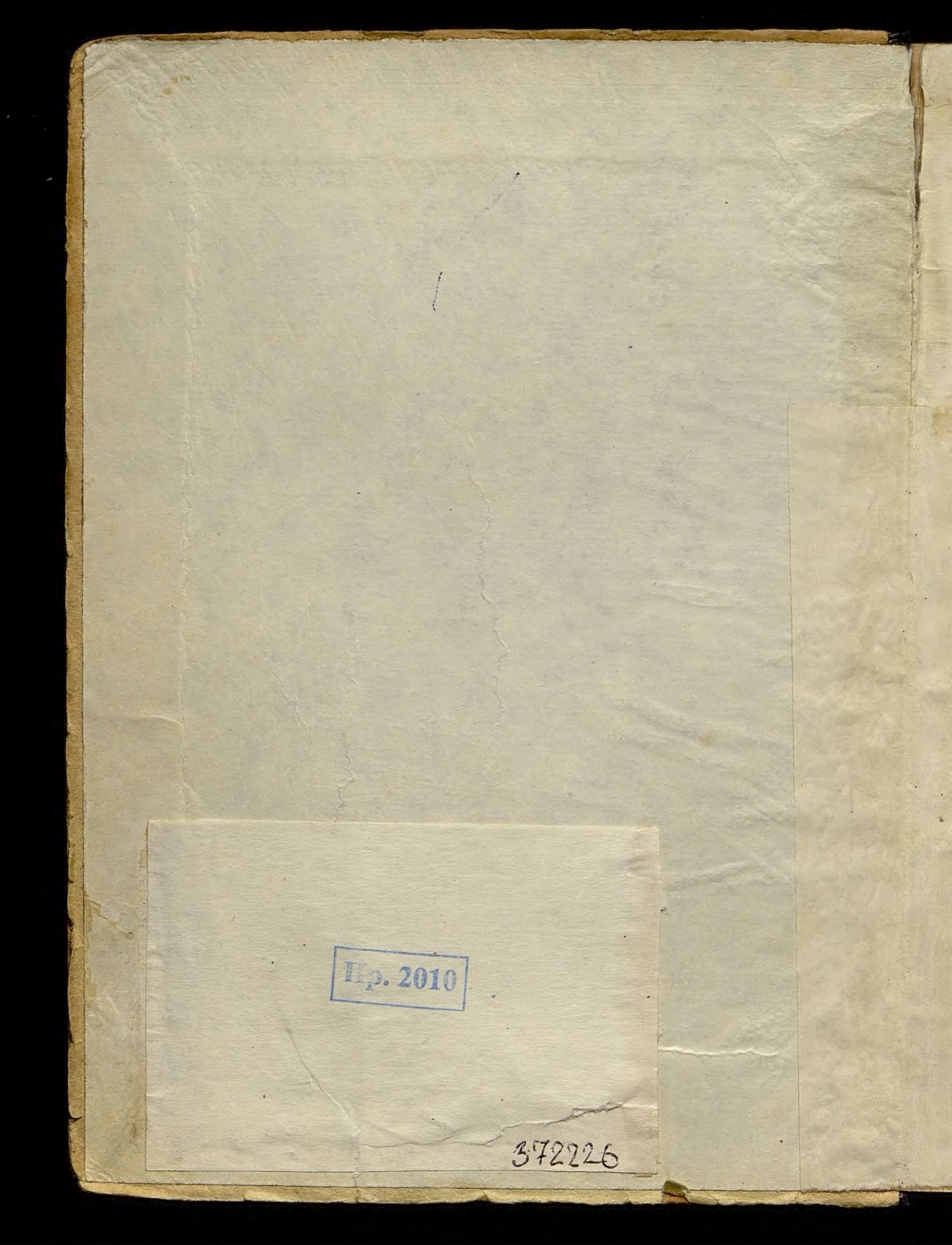
Гумилев. Н

Жемчуга

Стихи.

НА ДОМ НЕ ВЫДАЕТСЯ.

ЖЕМЧУГА

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Путь Конвистадоровъ. Стихи 1905 г. (Разошлось).

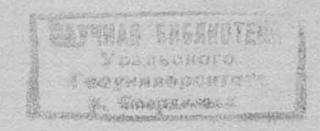
Романтическіе Цвѣты. Стихи. 1908 г. (Разошлось).

Тѣнь отъ пальмы. Разсказы. (Готовится къ печати).

Н. ГУМИЛЕВЪ

ЖЕМЧУГА

СТИХИ

МОСКВА 1910

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПІОНЪ»

ОБЛОЖКА РАБОТЫ Д. КАРДОВСКАГО.

ТИПОГРАФІЯ О-ВА Р. П. КНИГЪ. ПРЕЕМНИКЪ В. И. ВОРОНОВЪ, МОХОВАЯ, Д. КН. ГАГАРИНА.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МОЕМУ УЧИТЕЛЮ

ВАЛЕРІЮ БРЮСОВУ

Жемчугъ Черный.

Qu 'ils seront doux les pieds de celui qui viendra
Pour m'annoncer la mort?..

Alfred de Vigny.

ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА.

Милый мальчикъ, ты такъ веселъ, такъ свѣтла твоя улыбка,
Не проси объ этомъ счастьѣ, отравляющемъ міры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужасъ начинателя игры!

Тотъ, кто взялъ ее однажды въ повелительныя руки,
У того исчезъ навѣки безмятежный свѣтъ очей;
Духи ада любятъ слушать эти царственные звуки,
Бродятъ бѣшеные волки по дорогѣ скрипачей.

Надо вѣчно пѣть и плакать этимъ струнамъ, звонкимъ струнамъ,
Вѣчно долженъ биться, виться обезумѣвшій смычокъ,
И подъ солнцемъ, и подъ вьюгой, подъ бѣлѣющимъ буруномъ,
И когда пылаетъ западъ, и когда горитъ востокъ.

Ты устанешь и замедлишь, и на мигъ прервется пѣнье,
И ужъ ты не сможешь крикнуть, шевельнуться и вздохнуть,—
Тотчасъ бѣшеные волки въ кровожадномъ изступленьи
Въ горло вцѣпятся зубами, встанутъ лапами на грудь.

Ты поймешь тогда, какъ злобно насмѣялось все, что пѣло,
Въ очи глянетъ запоздалый, но властительный испугъ.
И тоскливый смертный холодъ обовьетъ, какъ тканью, тѣло,
И невѣста зарыдаетъ и задумается другъ.

Мальчикъ, дальше! Здѣсь не встрѣтишь ни веселья, ни сокровищъ!
Но я вижу ты смѣешься, эти взоры—два луча.
На, владѣй волшебной скрипкой, посмотри въ глаза чудовищъ
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!

ОДИНОЧЕСТВО.

Я спалъ, и смыла пѣна бѣлая
Меня съ родного корабля,
И въ черныхъ водахъ, помертвѣлая,
Открылась мнѣ моя земля.

Она полна конями быстрыми
И краснымъ золотомъ пещеръ,
Но ночью вспыхиваютъ искрами
Глаза блуждающихъ пантеръ.

Тамъ травы славятся узорами
И рѣки, словно зеркала,
Но рощи полны мандрагорами
Цвѣтами ужаса и зла.

На синевато-бѣломъ мраморѣ
Я высоко воздвигъ маякъ,
Чтобъ пробѣгающіе на морѣ
Далеко видѣли мой стягъ.

Я предлагалъ имъ перья страуса,
Плоды, коралловую нить,
Но не одинъ стремленья паруса
Не захотѣлъ остановить.

Всѣ чтили древняго оракула
И приговоръ его суда
О томъ, чтобъ вѣчно сердце плакало
У всѣхъ заброшенныхъ сюда.

И надо мною одиночество
Возноситъ огненную плеть
За то, что древнее пророчество
Мнѣ суждено преодолѣть.

КАМЕНЬ.

А. И. Гумилевой.

Взгляни, какъ злобно смотритъ камень,
Въ немъ щели странно глубоки,
Подъ мхомъ мерцаетъ скрытый пламень;
Не думай, то не свѣтляки!

Давно угрюмые друиды,
Сибиллы хмурыхъ королей,
Отмстить какiя-то обиды
Его призвали изъ морей.

Онъ вышелъ черный, вышелъ страшный,
И вотъ лежитъ на берегу,
А по ночамъ ломаетъ башни
И мститъ случайному врагу.

Летитъ пустынными полями,
За кустъ приляжетъ, подождетъ,
Сверкнетъ огнистыми щелями
И снова бросится впередъ.

И рѣдко кто бы могъ увидѣть
Его ночной и тайный путь,
Но берегись его обидѣть,
Случайно какъ-нибудь толкнуть.

Онъ скроетъ жгучую обиду,
Глухое бѣшенство угрозъ,
Онъ промолчитъ и будетъ съ виду
Недвиженъ, какъ простой утесъ.

Но гдѣ бы ты не скрылся, спящій,
Тебѣ его не обмануть,
Тебя отыщетъ онъ, летящій,
И дико ринется на грудь.

И ты застонешь въ изумленьи,
Завидя блескъ его огней,
Заслыша шумъ его паденья
И жалкій трескъ твоихъ костей.

Горячей кровью пьяный, сытый,
Лишь утромъ онъ оставитъ домъ.
И будетъ страшенъ трупъ забытый,
Какъ песъ, раздавленный быкомъ.

И, миновавъ поля и нивы,
Вернется къ берегу онъ вновь,
Чтобъ смыли вѣрные приливы
Съ него запекшуюся кровь.

ОДЕРЖИМЫЙ.

Луна плыветъ какъ круглый щитъ
Давно убитаго героя,
А сердце ноетъ и стучитъ,
Уныло чуя роковое.

Чрезъ дымный лугъ, и хмурый лѣсъ,
И угрожающее море
Бредетъ съ копьемъ на перевѣсъ
Мое чудовищное горе.

Напрасно я спѣшу къ коню,
Хватаю съ трепетомъ поводья
И, обезумѣвшій, гоню
Его въ ночныя половодья.

Въ болотѣ темномъ дикій бой
Для всѣхъ останется невѣдомъ,
И верхъ одержитъ надо мной
Привыкшій къ сумрачнымъ побѣдамъ:

Мнѣ сразу въ очи хлынетъ мгла...
На полномъ, бѣшеномъ галопѣ
Я буду выбитъ изъ сѣдла
И покачусь въ ночныя топи.

Какъ будетъ страшенъ этотъ часъ!
Я буду сжатъ доспѣхомъ тѣснымъ,
И, какъ всегда о coup de grâce
И возоплю предъ неизвѣстнымъ.

Я угадаю шагъ глухой
Въ невѣрной мглѣ ночного дыма,
Но, какъ всегда, передо мной
Пройдетъ невѣдомое мимо...

И утромъ встану я одинъ,
А дѣвы, рады играмъ вешнимъ,
Шепнутъ: „Вотъ странный палладинъ
Съ душой, измученной нездѣшнимъ".

ПОЕДИНОКЪ.

Въ твоемъ гербѣ невинность лилій,
Въ моемъ—багряные цвѣты.
И близокъ бой, рога завыли,
Сверкнули золотомъ щиты.

Идемъ, и каждый взглядъ упоренъ,
И ухо ловитъ каждый звукъ,
И серебромъ жемчужныхъ зеренъ
Блистаютъ перевязи рукъ.

Я вызванъ былъ на поединокъ
Подъ звоны бубновъ и литавръ
Среди смѣющихся тропинокъ,
Какъ тигръ въ саду—угрюмый мавръ.

Ты—дѣва-воинъ, пѣсенъ давнихъ,
Тобой гордятся короли,
Твое копье не знаетъ равныхъ
Въ предѣлахъ моря и земли.

Страшна борьба межъ днемъ и ночью,
Но Богомъ намъ она дана,
Чтобъ люди видѣли воочью
Кому побѣда суждена.

Клинки столкнулись,—отскочили,
И войско въ трепетѣ глядитъ,
Какъ мы схватились и застыли:
Ты—гибкость стали, я—гранитъ.

Меня слѣпитъ твой взглядъ упорный,
Твои сомкнутыя уста,
Я задыхаюсь въ мукѣ черной,
И побѣждаетъ красота.

Я палъ... и молніи побѣднѣй
Сверкнулъ и въ тѣло впился ножъ...
Тебѣ восторгъ—мой стонъ послѣдній,
Моя прерывистая дрожь.

И ты уходишь въ славѣ ратной,
Толпа поетъ тебѣ хвалы,
Но ты воротишься обратно,
Одна, въ плащѣ весенней мглы.

И, подъ равниной дымно-бѣлой
Мерцая шлемомъ золотымъ,
Найдешь мой трупъ окоченѣлый
И снова склонишься надъ нимъ:

„Люблю! О, помни это слово,
Я сохраню его всегда,
Тебя убила я живого,
Но не забуду никогда“.

Лучи, сокройтеся назадъ вы...
Но заалѣла пѣна рѣкъ,
Уходишь ты, съ тобою клятвы,
Ненарушимыя во вѣкъ.

Еще не умеръ звукъ рыданій,
Еще шуршитъ твой бѣлый шелкъ,
А ужъ ко мнѣ ползетъ въ туманѣ
Нетерпѣливо-жадный волкъ.

ВЪ ПУСТЫНѢ.

Давно вода въ мѣхахъ изсякла,
Но, какъ собака, не умру:
Я въ память дивнаго Геракла
Сперва отдамъ себя костру.

И пусть, пылая, жалятъ сучья,
Грозитъ чернѣющій Эребъ,
Какое странное созвучье
У двухъ враждующихъ судебъ!

Онъ былъ героемъ, я—бродягой,
Онъ—полубогъ, я—полузвѣрь,
Но съ одинаковой отвагой
Стучимъ мы въ замкнутую дверь.

Предъ смертью всѣ, Терситъ и Гекторъ,
Равно ничтожны и славны,
Я также выпью сладкій нектаръ
Въ поляхъ лазоревой страны.

ПОРТРЕТЪ МУЖЧИНЫ.

КАРТИНА ВЪ ЛУВРѢ РАБОТЫ НЕИЗВѢСТНАГО

Его глаза—подземныя озера,
Покинутые, царскіе чертоги,
Отмѣченъ знакомъ высшаго позора,
Онъ никогда не говоритъ о Богѣ.

Его уста—пурпуровая рана
Отъ лезвія пропитаннаго ядомъ,
Печальныя, сомкнувшіяся рано,
Они зовутъ къ непознаннымъ усладамъ.

И руки, блѣдный мраморъ полнолуній,
Въ нихъ ужасы неснятаго проклятья,
Они ласкали дѣвушекъ-колдуній
И вѣдали кровавыя распятья.

Ему въ вѣкахъ достался странный жребій —
Служить мечтой убійцы и поэта,
Быть можетъ какъ родился онъ, на небѣ
Кровавая растаяла комета.

Въ его душѣ столѣтнія обиды,
Въ его душѣ печали безъ названья,
За всѣ сады Мадонны и Киприды
Не промѣняетъ онъ воспоминанья.

Онъ злобенъ, но не злобой святотатца,
И нѣженъ цвѣтъ его атласной кожи.
Онъ можетъ улыбаться и смѣяться,
Но плакать... плакать больше онъ не можетъ.

ОСНОВАТЕЛИ.

Ромулъ и Ремъ взошли на гору,
Холмъ передъ ними былъ глухъ и нѣмъ;
Ромулъ сказалъ: „Здѣсь будетъ городъ“.
„Городъ, какъ солнце“, отвѣтилъ Ремъ.

Ромулъ сказалъ: „Волей созвѣздій
Мы обрѣли нашъ древній почетъ“.
Ремъ отвѣчалъ: „Что было прежде
Надо забыть, глянемъ впередъ“.

„Здѣсь будетъ циркъ“, промолвилъ Ромулъ,
„Здѣсь будетъ домъ нашъ, открытый всѣмъ“
—„Но надо поставить ближе къ дому
Могильные склепы“, отвѣтилъ Ремъ.

ВЫБОРЪ.

Созидающій башню сорвется,
Будетъ страшенъ стремительный летъ,
И на днѣ міроваго колодца
Онъ безумье свое проклянетъ.

Разрушающій будетъ раздавленъ,
Опрокинутъ обломками плитъ,
И, Всевидящимъ Богомъ оставленъ,
Онъ о мукѣ своей возопитъ.

А ушедшій въ ночныя пещеры,
Или къ заводямъ тихой рѣки
Повстрѣчаетъ свирѣпой пантеры,
Наводящіе ужасъ, зрачки.

Не избѣгнешь ты доли кровавой,
Что земнымъ предназначила твердь.
Но, молчи! Несравненное право
Самому выбирать свою смерть.

ЛѢСНОЙ ПОЖАРЪ.

Вѣтеръ гонитъ тучу дыма,
Словно грузнаго коня,
Вслѣдъ за нимъ неумолимо
Встало зарево огня.

Только въ рѣдкіе просвѣты
Темно-бурыхъ тополей
Видно розовые свѣты
Обезумѣвшихъ полей.

Ярко вспыхиваетъ маисъ,
Съ острымъ запахомъ смолы
И, шипя и разгораясь,
Въ пламя падаютъ стволы.

Рѣзкій грохотъ, тяжкій топотъ,
Вой, мычанье, визгъ и ревъ,
И зловѣще-тихій ропотъ
Закипающихъ ручьевъ.

Вонъ несется слонъ-пустынникъ,
Левъ стремительно бѣжитъ,
Обезьяна держитъ финикъ
И пронзительно визжитъ.

Съ вепремъ, стиснутый бокъ-о-бокъ,
Легкій волкъ, душа ловитвъ,
Зубы бѣлы, взоръ не робокъ—
Только время не для битвъ.

А за ними въ дымныхъ пущахъ
Льется новая волна
Опаленныхъ и ревущихъ...
Какъ назвать ихъ имена?

Словно тамъ, подъ сводомъ ада,
Дьяволъ щелкаетъ бичемъ,
Чтобы грѣшниковъ громада
Вышла бѣшенымъ смерчемъ.

Все страшнѣй въ ночи безсонной,
Все быстрѣе дикій бѣгъ,
И, огнями ослѣпленный,
Черной кровью обагренный,
Первымъ гибнетъ человѣкъ.

ЦАРИЦА.

Твой лобъ въ кудряхъ отлива бронзы,
Какъ сталь глаза твои остры,
Тебѣ задумчивые бонзы
Въ Тибетѣ ставили костры.

Когда Тимуръ въ унылой злобѣ
Народы бросилъ къ ихъ метѣ,
Тебя несли въ пустыняхъ Гоби
На боевомъ его щитѣ.

И ты вступила въ крѣпость Агры,
Свѣтла, какъ древняя Лилитъ,
Твои веселые онагры
Звенѣли золотомъ копытъ.

Былъ вечеръ тихъ. Земля молчала, —
Едва вздыхали цвѣтники,
Да отъ зеленаго канала,
Взлетая, рѣяли жуки.

И я слѣдилъ въ тѣни колонны
Черты алмазнаго лица
И ждалъ, колѣнопреклоненный,
Въ одеждѣ розовой жреца.

Узорный лукъ въ дугу былъ согнутъ,
И, вольность древнюю любя,
Я зналъ, что мускулы не дрогнутъ
И остріе найдетъ тебя.

Тогда бы вспыхнуло былое:
Князей торжественный приходъ,
И пляски въ заросляхъ алоэ
И дни веселые охотъ.

Но ротъ твой, вырѣзанный строго,
Таилъ такую смѣну мукъ,
Что я въ тебѣ увидѣлъ бога
И робко выронилъ свой лукъ.

Толпа рабовъ ко мнѣ метнулась,
Тѣснясь, волнуясь и крича,
И ты лѣниво улыбнулась
Стальной сѣкирѣ палача.

ТОВАРИЩЪ.

В. Ю. Эльсперу.

Что-то подходитъ близко, вѣрно,
Холодъ томящій въ грудь проникъ,
Каждою ночью въ тьмѣ безмѣрной
Я вижу милый, странный ликъ.

Старый товарищъ, древній ловчій,
Снова встаешь ты съ ночного дна,
Тигра смѣлѣе, барса ловче,
Сильнѣе грузнаго слона.

Помню, все помню; какъ забуду
Рыжія кудри, крѣпость рукъ,
Мечъ твой, вносившій гибель всюду,
Изъ рога турьяго твой лукъ?

Помню и волка; съ нами въ мирѣ
Вмѣстѣ бродилъ онъ, вмѣстѣ спалъ,
Вечеромъ я игралъ на лирѣ,
А онъ тихонько подвывалъ.

Что же случилось? Чьею властью
Вытоптанъ былъ нашъ дикій садъ?
Раненый коршунъ, темной страстью
Товарищъ дивный былъ объятъ.

Спутанно помню,—кровь повсюду,
Душу гнетущій мертвый страхъ,
Ночь, и героевъ павшихъ груду,
И трупъ товарища въ волнахъ.

Что же теперь, сквозь рядъ столѣтій
Выступилъ ты изъ смертныхъ чащъ,
Въ смуглыхъ ладоняхъ лукъ и сѣти
И на плечахъ багряный плащъ?

Сладостной вѣрю я надеждѣ,
Лгать не умѣютъ сердцу сны,
Скоро пройду съ тобой, какъ прежде,
Въ поляхъ невѣдомой страны.

ВЪ БИБЛІОТЕКѢ.

М. Кузмину.

О пожелтѣвшіе листы
Въ стѣнахъ вечернихъ библіотекъ,
Когда раздумья такъ чисты,
А пыль пьянѣе, чѣмъ наркотикъ!

Мнѣ нынче труденъ мой урокъ,
Куда отъ странной грезы дѣться,
Я отыскалъ сейчасъ цвѣтокъ
Въ процессѣ древнемъ Жиль де Реца.

Изрѣзанъ сѣтью блѣдныхъ жилъ,
Сухой, но тайно благовонный...
Его, навѣрно, положилъ
Сюда какой-нибудь влюбленный.

Еще отъ алыхъ женскихъ губъ
Его пылали жарко щеки,
Но взоръ очей уже былъ тупъ
И мысли холодно-жестоки.

И вѣрно дьявольская страсть
Въ душѣ вставала, словно пѣнье,
Что даръ любви, цвѣтокъ, увясть
Былъ брошенъ въ книгѣ преступленья.

И послѣ, тамъ, въ тѣни аркадъ,
Въ великолѣпьи ночи дивной
Кого замѣтилъ тусклый взглядъ,
Чей крикъ послышался призывный?

Такъ много тайнъ хранитъ любовь,
Такъ мучатъ старыя гробницы!
Мнѣ ясно кажется, что кровь
Пятнаетъ многія страницы.

И тернъ сопутствуетъ вѣнцу,
И бремя жизни злое бремя...
Но что до этого чтецу,
Неутомимому, какъ время!

Мои мечты... онѣ чисты,
А ты, убійца дальній, кто ты?!
О пожелтѣвшіе листы,
Шагреневые переплеты!

ВЪ ПУТИ.

Кончено время игры,
Дважды цвѣтамъ не цвѣсти;
Тѣнь отъ гигантской горы
Пала на нашемъ пути.

Область унынья и слезъ—
Скалы съ обѣихъ сторонъ
И оголенный утесъ,
Гдѣ распростерся драконъ.

Острый хребетъ его крутъ,
Вздохъ его—огненный смерчъ,—
Люди его назовутъ
Сумрачнымъ именемъ: Смерть.

Что-жъ, обратиться намъ вспять,
Вспять повернуть корабли,
Чтобы опять испытать
Древнюю скудость земли?

Нѣтъ, ни за что, ни за что!
Значитъ, настала пора,
Лучше слѣпое Ничто,
Чѣмъ золотое Вчера!

Вынемъ же мечъ-кладенецъ,
Даръ благосклонныхъ наядъ,
Чтобъ обрѣсти, наконецъ,
Неотцвѣтающій садъ.

СЕМИРАМИДА.

Свѣтлой памяти И. Ѳ. Анненскаго.

Для первыхъ властителей завиденъ мой жребій,
И боги не такъ горды,
Столпами изъ мрамора въ пылающемъ небѣ
Укрѣпились мои сады.

Тамъ рощи съ цистернами для розовой влаги,
Голубые нѣжные мхи,
Рыбы и танцовщицы, и мудрые маги,
Короли четырехъ стихій.

Все манитъ и радуетъ, все ясно и близко,
Все таитъ восторгъ тишины,
Но каждою полночью такъ страшно и низко
Наклоняется ликъ луны.

И въ сумрачномъ ужасѣ отъ луннаго взгляда,
Отъ цѣпкихъ лунныхъ сѣтей,
Мнѣ хочется броситься изъ этого сада
Съ высоты семисотъ локтей.

ЧИТАТЕЛЬ КНИГЪ.

Читатель книгъ, и я хотѣлъ найти
Мой тихій рай въ покорности сознанья,
Я ихъ любилъ, тѣ странные пути,
Гдѣ нѣтъ надеждъ и нѣтъ воспоминанья.

Неутомимо плыть ручьями строкъ,
Въ проливы главъ вступать нетерпѣливо
И наблюдать, какъ пѣнится потокъ,
И слушать гулъ идущаго прилива!

Но вечеромъ... О какъ она страшна,
Ночная тѣнь за шкафомъ, за кіотомъ,
И маятникъ, недвижный какъ луна,
Что свѣтитъ надъ мерцающимъ болотомъ!

АДАМЪ.

Адамъ, униженный Адамъ,
Твой блѣденъ ликъ и взоръ твой бѣшенъ,
Скорбишь ли ты по тѣмъ плодамъ,
Что ты срывалъ, еще безгрѣшенъ?

Скорбишь ли ты о той порѣ,
Когда еще ребенокъ-дѣва,
Въ душистый полдень на горѣ
Передъ тобой плясала Ева?

Теперь ты знаешь тяжкій трудъ
И дуновенье смерти грозной,
Ты знаешь бѣшенство минутъ,
Припоминая слово—„поздно“.

И боль жестокую, и стыдъ,
Неутолимый и безстрастный,
Который медленно томитъ,
Который мучитъ сладострастно.

Ты былъ въ раю, но ты былъ царь
И честь была тебѣ порукой,
За счастье, вспыхнувшее встарь,
Надменный втрое платитъ мукой.

За то, что не былъ ты какъ трупъ,
Горѣлъ, искалъ и былъ обманутъ,
Въ высокомъ небѣ хоры трубъ
Тебѣ гремѣть не перестанутъ.

Въ суровой долѣ будь упрямъ,
Будь хмурымъ, блѣднымъ и согбеннымъ,
Но не скорби по тѣмъ плодамъ,
Неискупленнымъ и презрѣннымъ.

ВОИНЪ АГАМЕМНОНА.

Смутную душу мою тяготитъ
Странный и страшный вопросъ:
Можно ли жить, если умеръ Атридъ,
Умеръ на ложѣ изъ розъ?

Все, что намъ снилось всегда и вездѣ,
Наше желанье и страхъ,
Все отражалось, какъ въ чистой водѣ,
Въ этихъ спокойныхъ очахъ.

Въ мышцахъ жила несказанная мощь,
Сказка—въ изгибѣ колѣнъ,
Былъ онъ прекрасенъ, какъ облако,—вождь
Золотоносныхъ Микенъ.

Что я? Обломокъ старинныхъ обидъ,
Дротикъ, упавшій въ траву,
Умеръ водитель народовъ, Атридъ,—
Я же, ничтожный, живу.

Манитъ прозрачность глубокихъ озеръ,
Смотритъ съ укоромъ заря,
Тягостенъ, тягостенъ этотъ позоръ,
Жить, потерявши царя!

ВАРВАРЫ.

Когда зарыдала страна подъ немилостью Божьей
И варвары въ городъ вошли молчаливой толпою,
На площади людной царица поставила ложе,
Суровыхъ враговъ ожидала царица, нагою.

Трубили герольды. По вѣтру рвалися знамена,
Какъ листья осенніе, прѣлые, бурые листья,
Роскошныя груды восточныхъ шелковъ и виссона
Съ краевъ украшали литыя изъ золота кисти.

Царица была, какъ пантера суровыхъ безлюдій,
Съ глазами провалами темнаго дикаго счастья,
Подъ сѣткой жемчужной вздымались дрожащія груди,
На смуглыхъ рукахъ и ногахъ трепетали запястья.

И зовъ ея мчался, какъ звоны серебряной лютни:
—„Спѣшите, герои, несущіе луки и пращи,
Нигдѣ, никогда не найти вамъ жены безпріютнѣй,
Чьи жалкіе стоны вамъ будутъ желаннѣй и слаще.

— Спѣшите, герои, окованы мѣдью и сталью,
Пусть въ бѣдное тѣло вопьются свирѣпые гвозди,
И бѣшенствомъ ваши нальются сердца и печалью
И будутъ краснѣй виноградныхъ пурпуровыхъ гроздій.

— Давно я ждала васъ, могучіе, грубые люди,
Мечтала, любуясь на зарево вашихъ становищъ,
Идите-жъ, терзайте для муки расцвѣтшія груди,
Герольдъ протрубитъ, не щадите завѣтныхъ сокровищъ".

Серебряный рогъ, изукрашенный костью слоновьей,
На бронзовомъ блюдѣ рабы протянули герольду,
Но варвары сѣвера хмурили гордыя брови,
Они вспоминали скитанья по снѣгу и по льду.

Они вспоминали холодное небо и дюны,
Въ зеленыхъ трущобахъ веселые щебеты птичьи,
И царственно-синіе женскіе взоры... и струны,
Которыми скальды гремѣли о женскомъ величьи.

Кипѣла, сверкала народомъ широкая площадь,
И южное небо раскрыло свой огненный вѣеръ,
Но хмурый начальникъ сдержалъ опѣненную лошадь,
Съ надменной усмѣшкой войска повернулъ онъ на сѣверъ.

Въ мой мозгъ, въ мой гордый мозгъ собрались думы,
Какъ воры ночью въ тихій мракъ предмѣстій,
Какъ коршуны зловѣщи и угрюмы,
Онѣ, столпившись, требовали мести.

Я былъ одинъ. Мечты мои бѣжали,
Мои глаза раскрылись отъ волненья,
И я читалъ на призрачной скрижали
Мои слова, дѣла, и преступленья.

За то, что я холодными глазами
Смотрѣлъ на игры смѣлыхъ и побѣдныхъ,
За то, что я кровавыми устами
Касался устъ, трепещущихъ и блѣдныхъ,

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишкомъ стройны,
За то, что пѣсни, вѣчные скитальцы,
Обманывали, были безпокойны,

За все теперь настало время мести,
Мой лживый, нѣжный храмъ слѣпцы разрушатъ.
И думы, воры въ тишинѣ предмѣстій,
Какъ нищаго во мглѣ, меня задушатъ.

ТЕАТРЪ

Всѣ мы, святые и воры,
Изъ алтаря и острога,
Всѣ мы—смѣшные актеры
Въ театрѣ Господа Бога.

Богъ возсѣдаетъ на тронѣ,
Смотритъ, смѣясь, на подмостки,
Звѣзды на пышномъ хитонѣ
Позолоченныя блестки.

Такъ хорошо и привольно
Въ ложѣ предвѣчнаго свѣта,
Дѣва Марія довольна,
Смотритъ, склоняясь, въ либретто:

— Гамлетъ? Онъ долженъ быть блѣднымъ.
Каинъ? Тотъ долженъ быть грубымъ...
Зрители внемлютъ побѣднымъ
Солнечнымъ, ангельскимъ трубамъ.

Богъ, наклонясь, наблюдаетъ,
Къ пьесѣ онъ полонъ участья.—
Жаль, если Каинъ рыдаетъ,
Гамлетъ извѣдаетъ счастье!

Такъ не должно быть по плану!
Чтобы блюсти упущенья,
Боли, глухому титану,
Ввѣрилъ онъ ходъ представленья.

Боль вознеслася горою,
Хитрой раскинулась сѣтью,
Всѣхъ, утомленныхъ игрою,
Хлещетъ кровавою плетью.

Множатся пытки и казни...
И возрастаетъ тревога,
Что, коль не кончится праздникъ
Въ театрѣ Господа Бога?!

ПОТОМКИ КАИНА.

СОНЕТЪ.

Онъ не солгалъ намъ, духъ печально-строгій,
Принявшій имя утренней звѣзды.
Когда сказалъ: „не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плодъ и будете, какъ боги“.

Для юношей открылись всѣ дороги,
Для старцевъ—всѣ запретные труды,
Для дѣвушекъ—янтарные плоды
И бѣлые, какъ снѣгъ, единороги.

Но почему мы клонимся безъ силъ,
Намъ кажется, что Кто-то насъ забылъ,
Намъ ясенъ ужасъ древняго соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука
Двѣ жердочки, двѣ травки, два древка
Соединитъ на мигъ крестообразно?

ДОНЪ-ЖУАНЪ

СОНЕТЪ.

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу въ стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новыя уста;

А въ старости принять завѣтъ Христа,
— Потупить взоръ, посыпать пепломъ темя
И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелаго желѣзнаго креста!

И лишь когда средь оргіи побѣдной
Я вдругъ опомнюсь, какъ лунатикъ блѣдный,
Испуганный въ тиши своихъ путей,

— Я вспоминаю, что, ненужный атомъ,
Я не имѣлъ отъ женщины дѣтей
И никогда не звалъ мужчину братомъ.

ПОПУГАЙ.

СОНЕТЪ.

Я—попугай съ Антильскихъ острововъ,
Но я живу въ квадратной кельѣ мага,
Вокругъ реторты, глобусы, бумага,
И кашель старика, и бой часовъ.

Пусть въ часъ заклятій, въ вихрѣ голосовъ
И въ блескѣ глазъ мерцающихъ, какъ шпага,
Ерошатъ крылья ужасъ и отвага
И я сражаюсь съ призраками совъ...

Пусть! Но едва подъ этотъ сводъ унылый
Войдетъ гадать о картахъ, иль о милой,
Распутникъ въ раззолоченномъ плащѣ,—

Мнѣ грезится корабль въ тиши залива,
Я вспоминаю солнце... и вотще
Стремлюсь забыть, что тайна некрасива.

СОНЪ АДАМА.

Отъ плясокъ и пѣсенъ усталый Адамъ
Заснулъ, неразумный, у Древа Познанья,
Надъ нимъ ослѣпительныхъ звѣздъ трепетанья,
Лиловыя тѣни скользятъ по лугамъ,
И духъ его сонный летитъ надъ лугами,
Внезапно настигнутъ зловѣщими снами.

Онъ видитъ пылающій ангельскій мечъ,
Что жалитъ нещадно его и подругу,
И гонитъ изъ рая въ суровую вьюгу,
Гдѣ нечѣмъ прикрыть имъ ни бедеръ, ни плечъ...
Какъ звѣри, должны они строить жилище,
Пращей и дубиной искать себѣ пищи.

Обитель труда и болѣзней... но здѣсь
Впервые постигъ онъ съ подругой единство,
Подругѣ—блаженство и боль материнства,
И заступъ ему, чтобы вскапывать весь,
Служеньемъ Иному прекрасны и грубы,
Нахмурены брови и стиснуты губы.

Вотъ новые люди... очерченъ ихъ ротъ,
Ихъ взоры не блещутъ и смѣхъ ихъ случаенъ,
За вепрями сильный охотится Каинъ
И Авель сбираетъ маслины и медъ,
Но волѣ не служатъ они патріаршей,
Палъ младшій и въ ужасѣ кроется старшій.

И многое видитъ смущенный Адамъ:
Онъ тонетъ душою въ распутствѣ и нѣгѣ,
Онъ ищетъ спасенья въ надежномъ ковчегѣ
И строется снова суровъ и упрямъ,
Медлительный пахарь, и воинъ, и всадникъ...
Но Богъ охраняетъ его виноградникъ.

На бурный потокъ наложилъ онъ узду,
Безсонною мыслью постигъ равновѣсье,
Какъ ястребъ врѣзается онъ въ поднебесье,
У косной земли отнимаетъ руду,
Покорны и тихи, хранятъ ему книги
Напѣвы поэтовъ и тайны религій.

И въ ночь волхованій на пышные мхи
Къ нему для объятій нисходятъ сильфиды,
Къ услугамъ его отомщать за обиды
И звѣздные духи и духи стихій
И къ солнечнымъ скаламъ изъ грозной пучины
Влекутъ его челнъ голубые дельфины.

Онъ любитъ забавы опасной игры—
Искать въ океанахъ безвѣстныя страны,
Ступать безразсудно на волчьи поляны
И видѣть равнину съ высокой горы,
Гдѣ съ узкихъ тропинокъ срываются козы
И душныя, красныя клонятся розы.

Онъ любитъ и скрежетъ стального рѣзца,
Дробящаго глыбистый мраморъ для статуй,
И дѣвственный холодъ зари розоватой
И нѣжный овалъ молодого лица,—
Когда на холстѣ подъ ударами кисти
Ложатся они и свѣтлѣй и лучистѣй.

Устанетъ и къ небу возводитъ свой взоръ,
Слѣпой и кощунственный взоръ человѣка,
Тамъ, Богомъ раскинутъ отъ вѣка до вѣка,
Мерцаетъ надъ нимъ многозвѣздный шатеръ,
Святыми ночами, спокойный и строгій,
Онъ клонитъ колѣна и грезитъ о Богѣ.

Онъ новыя мысли, какъ свѣтлыхъ гостей,
Всегда ожидаетъ изъ розовой дали,
А съ ними, какъ новыя звѣзды, печали
Еще неизвѣданныхъ думъ и страстей,
Провалы въ мечтаньяхъ и ужасъ въ искусствѣ,
Чтобъ сердце болѣло отъ тяжкихъ предчувствій.

И кроткая Ева, игрушка боговъ,
Когда-то ребенокъ, когда-то зарница,
Теперь для него молодая тигрица,
Въ зловѣщемъ мерцаньи ея жемчуговъ,
Предвѣстница бури, и крови, и страсти,
И радостей злобныхъ и хмурыхъ несчастій.

Такъ золото манитъ и радуетъ взглядъ,
Но въ золотѣ темныя силы таятся,
Онѣ управляютъ рукой святотатца
И въ братскіе кубки вливаютъ свой ядъ,
Не въ силахъ насытить, смѣются и мучатъ
И стонамъ и крикамъ неистовымъ учатъ.

Онъ борется съ нею. Коварный, какъ змѣй,
Ее онъ опуталъ сѣтями соблазна,
Вотъ Ева блудница, лепечетъ безсвязно,
Вотъ Ева святая съ печалью очей,
То лунная дѣва, то дѣва земная,
Но вѣчно и всюду чужая, чужая.

И онъ, наконецъ безпредѣльно усталъ,
Усталъ и смѣяться и плакать безъ цѣли,
Какъ лебеди, стаи вѣковъ пролетѣли,
Играли и пѣли, онъ ихъ не слыхалъ,
Спокойный и строгій на мраморныхъ скалахъ,
Онъ молится Смерти, богинѣ усталыхъ:

„Узнай, Благодатная, волю мою,
На степи земныя, на море земное,
На скорбное сердце мое заревое
Пролей смертоносную влагу свою,
Довольно бороться съ безумьемъ и страхомъ,
Рожденный изъ праха, да буду я прахомъ!“

И, медленно рѣя багровымъ хвостомъ,
Помчалась къ землѣ голубая комета,
И страшно Адаму и больно отъ свѣта
И рветъ ему мозгъ нескончаемый громъ,
Вотъ огненный смерчъ передъ нимъ закрутился,
Онъ дрогнулъ и крикнулъ... и вдругъ пробудился.

Направо сверкаетъ и пѣнится Тигръ,
Налѣво—зеленыя воды Ефрата,
Долина серебрянымъ блескомъ объята,
Тѣнистыя отмели манятъ для игръ,
И Ева кричитъ изъ весенняго сада—
„Ты спалъ и проснулся... я рада, я рада“.

Жемчугъ Сѣрый.

... Что жъ! Пойду въ пещеру къ вѣрнымъ молотамъ,
Ихъ взносить надъ горномъ жгуче—пламеннымъ,
Опускать ихъ на пылающій металлъ.

Валерій Брюсовъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ОДИССЕЯ.

I. У БЕРЕГА.

Сердце—улей, полный сотами,
Золотыми, несравненными!
Я борюсь съ водоворотами
И клокочущими пѣнами.

Я трирему съ грудью острою
Въ бурѣ бѣшеной измучаю,
Но домчусь къ родному острову
Съ грозовою сизой тучею.

Я войду въ дома просторные,
Сердце встрѣчами обрадую
И забуду годы черные,
Проведенные съ Палладою.

Такъ! Но кто, подобный коршуну,
Надъ моей душою носится,
Словно манитъ къ року горшему,
Съ новой кручи въ бездну броситься?

Въ кораблѣ раскрылись трещины,
Море взрыто ураганами,
Берега, что мнѣ обѣщаны,
Исчезаютъ за туманами.

И шепчу я, робко слушая
Вой надъ водною пустынею:
—„Нѣтъ, союза не нарушу я
Съ необорною богинею".

II. ИЗБІЕНЬЕ ЖЕНИХОВЪ.

Только надъ городомъ мѣсяцъ двурогій
Остро прорѣзалъ вечернюю мглу,
Всталъ Одиссей на высокомъ порогѣ,
Въ грудь Антиноя онъ бросилъ стрѣлу.

Чаша упала изъ рукъ Антиноя,
Очи окуталъ кровавый туманъ,
Легкая дрожь... и не стало героя,
Лучшаго юноши греческихъ странъ.

Схвачены ужасомъ, встали другіе,
Робко хватаясь за щитъ и за мечъ,
Тщетно! Увѣренны стрѣлы стальныя,
Злобно-насмѣшлива царская рѣчь:

„Что-же, князья знаменитой Итаки,
Что не спѣшите вы встрѣтить царя,
Жертвенной кровью священные знаки
Запечатлѣть у его алтаря?“

„Вы истребляли подъ грохотъ тимпановъ
Все, что мнѣ было богами дано,
Тучныхъ быковъ, круторогихъ барановъ,
Съ кипрскихъ холмовъ золотое вино“.

„Льстивыя рѣчи шептать Пенелопѣ,
Ночью ласкать похотливыхъ рабынь,
Слаще, чѣмъ биться подъ музыку копій,
Плавать надъ ужасомъ водныхъ пустынь!“

„Что? Вы хотите платить за обиды,
Ваши дворцы предлагаете мнѣ?
Я бы не принялъ и всей Атлантиды,
Всѣхъ городовъ, погребенныхъ на днѣ!“

„Звонко поютъ окрыленныя стрѣлы,
Мѣрно блеститъ угрожающій мечъ,
Всѣ вы, князья, и трусливый и смѣлый,
Бѣлою грудой готовитесь лечь“.

„Вотъ Евримахъ, низкорослый и тучный,
Блѣденъ... блѣднѣе онъ мраморныхъ стѣнъ,
Въ ужасѣ бьется какъ оводъ докучный,
Юною дѣвой захваченный въ плѣнъ“.

„Вотъ Антиномъ.. разъяренные взгляды...
Самъ онъ громаденъ и грузенъ, какъ слонъ,
Былъ бы онъ первымъ героемъ Эллады,
Если бы съ нами отплылъ въ Иліонъ“.

„Падаютъ, падаютъ тигры и лани
И никогда не поднимутся вновь,
Что это? Брошены красныя ткани,
Или, дымясь, растекается кровь?“

„Ну, собирайся со мною въ дорогу,
Юноша свѣтлый, мой сынъ Телемахъ,
Надо служить безпощадному богу,
Богу Тревоги на черныхъ путяхъ“.

„Снова полюбимъ влекущую даль мы
И золотой отъ луны горизонтъ,
Снова увидимъ священныя пальмы
И опѣненный клокочущій Понтъ“.

„Пусть незапятнано ложе царицы,
Грѣшныя къ ней прикасались мечты,
Чайки бѣлѣй и невиннѣй зарницы
Темной и страшной ея красоты“.

III. ОДИССЕЙ У ЛАЭРТА.

Еще одинъ старинный долгъ,
Мой рокъ, еще одинъ священный!
Я не убійца, я не волкъ,
Я чести сторожъ неизмѣнный.

Лица морщинистаго чертъ
Въ умѣ не стерли вихри жизни,
Тебя привѣтствую, Лаэртъ,
Въ твоей задумчивой отчизнѣ.

Смотрю: украсили сады
Холмовъ утесистые скаты,
Какіе спѣлые плоды,
Какъ сладокъ запахъ свѣжей мяты!

Я слезы кротости пролью,
Я сердце къ счастью приневолю,
Я земно кланяюсь ручью
И бѣдной хижинѣ, и полю.

И сладко мнѣ, и больно мнѣ
Сидѣть съ тобой на козьей шкурѣ,
Я вѣрю—боги въ тишинѣ,
А не въ смятеньи и не въ бурѣ.

Но что мнѣ розовыхъ харитъ
Неисчислимыя услады?!
Надъ моремъ всталъ алмазный щитъ
Богини воиновъ Паллады.

Старикъ, спѣша отсюда прочь,
Послѣдній разъ тебя цѣлую
И снова ринусь грудью въ ночь
Увидѣть бездну грозовую.

Но въ часъ, какъ Зевсовой рукой
Мой черный жребій будетъ вынутъ,
Когда предсмертною тоской
Я буду навзничь опрокинутъ,—

Припомню я не день войны,
Не праздникъ въ пламени и дымѣ,
Не ласки знойныя жены,
Увы, дѣлимыя съ другими,

—Тебя, твой миртовый вѣнецъ,
Глаза, безоблачнѣе неба,
И съ нѣжнымъ именемъ „отецъ“
Сойду въ обители Эреба.

ЗАВѢЩАНЬЕ.

Очарованъ соблазнами жизни,
Не хочу я растаять во мглѣ,
Не хочу я вернуться къ отчизнѣ,
Къ усыпляющей мертвой землѣ.

Пусть высоко на розовой влагѣ
Вечерѣющихъ горныхъ озеръ
Молодые и строгіе маги
Кипарисовый сложатъ костеръ.

И покорно, склоняясь, положатъ
На него мой закутанный трупъ,
Чтобъ смотрѣлъ я съ послѣдняго ложа
Съ затаенной усмѣшкою губъ.

И когда заревое чуть тронетъ
Темнымъ золотомъ мраморный молъ,
Пусть задумчивый факелъ уронитъ
Благовонье пылающихъ смолъ.

И свирѣль тишину опечалитъ,
И серебряный гонгъ зареветъ,
Въ часъ, когда задрожитъ и отчалитъ
Огнѣющій траурный плотъ.

Словно демонъ въ лѣсу волхованій,
Снова вспыхнетъ мое бытіе,
Отъ мучительныхъ красныхъ лобзаній
Зашевелится тѣло мое.

И пока къ пустотѣ, или раю
Необорный не броситъ меня,
Я еще одинъ разъ отпылаю
Упоительной жизнью огня.

ОЗЕРА.

Я счастье разбилъ съ торжествомъ святотатца
И нѣтъ ни тоски, ни укора,
Но каждою ночью такъ ясно мнѣ снятся
Большія, ночныя озера.

На траурно-черныхъ волнахъ ненюфары,
Какъ думы мои, молчаливы
И будятъ забытыя, грустныя чары
Серебряно-бѣлыя ивы.

Луна освѣщаетъ изгибы дороги
И видитъ пустынное поле,
Какъ я задыхаюсь въ тяжелой тревогѣ
И пальцы ломаю до боли.

Я вспомню, и что-то должно появиться,
Какъ сумрачной драмѣ развязка,
Печальная дѣвушка, бѣлая птица,
Иль странная нѣжная сказка.

И новое солнце заблещетъ въ туманѣ,
И будутъ стрекозами тѣни,
И гордые лебеди древнихъ сказаній
На бѣлыя выйдутъ ступени.

Но мнѣ не припомнить. Я, слабый, безкрылый,
Смотрю на ночныя озера
И слышу какъ волны лепечутъ безъ силы
Слова рокового укора.

Проснусь, и какъ прежде увѣренны губы,
Далеко и чуждо ночное,
И такъ по-земному прекрасны и грубы
Минуты труда и покоя.

СТАРЫЙ КОНВИСТАДОРЪ.

Углубясь въ невѣдомыя горы,
Заблудился старый конвистадоръ,
Въ дымномъ небѣ плавали кондоры,
Нависали снѣжныя громады.

Восемь дней скитался онъ безъ пищи,
Конь издохъ, но подъ большимъ уступомъ
Онъ нашелъ уютное жилище,
Чтобъ не разлучаться съ милымъ трупомъ.

Тамъ онъ жилъ въ тѣни сухихъ смоковницъ,
Пѣсни пѣлъ о солнечной Кастильи,
Вспоминалъ сраженья и любовницъ,
Видѣлъ то пищали, то мантильи.

Какъ всегда былъ дерзокъ и спокоенъ
И не зналъ ни ужаса, ни злости,
Смерть пришла, и предложилъ ей воинъ
Поиграть въ изломанныя кости.

ПРАВЫЙ ПУТЬ.

Въ мукахъ и пыткахъ рождается слово,
Робкое, тихо проходитъ по жизни,
Странникъ,—оно—, изъ ковша золотого
Пьющій остатки на варварской тризнѣ.

Выйдешь къ природѣ! Природа враждебна,
Все въ ней пугаетъ, всего въ ней помногу,
Вѣчно звучитъ въ ней фанфара молебна
Не твоему и ненужному Богу.

Смерть? Но сперва эту сказку поэта
Взвѣсь осторожно и мудро исчисли,
—Жалко не будетъ ни жизни, ни свѣта,
Но пожалѣешь о царственной мысли.

Что-жъ, это путь величавый и строгій:
Плакать съ осеннимъ пронзительнымъ вѣтромъ,
Съ нищими нищимъ таиться въ берлогѣ,
Хмурыя думы оковывать метромъ.

ОРЕЛЪ.

Орелъ летѣлъ все выше и впередъ
Къ Престолу Силъ сквозь звѣздныя преддверья
И былъ прекрасенъ царственный полетъ,
И лоснились коричневыя перья.

Гдѣ жилъ онъ прежде? Можетъ быть, въ плѣну,
Въ оковахъ королевскаго звѣринца,
Кричалъ, встрѣчая дѣвушку-весну,
Влюбленную въ задумчиваго принца.

Иль, можетъ быть, въ берлогѣ колдуна,
Когда глядѣлъ онъ въ узкое оконце,
Его зачаровала вышина
И властно превратила сердце въ солнце.

Не все-ль равно?! Играя и маня,
Лазурное вскрывалось совершенство,
И онъ летѣлъ три ночи и три дня
И умеръ, задохнувшись отъ блаженства.

Онъ умеръ, да! Но онъ не могъ упасть,
Войдя въ круги планетнаго движенья,
Бездонная внизу зіяла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Лучами былъ пронизанъ небосводъ,
Божественно-холодными лучами,
Не зная тлѣнья, онъ летѣлъ впередъ,
Смотрѣлъ на звѣзды мертвыми очами.

Не разъ въ бездонность рушились міры,
Не разъ труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолѣпная могила.

ВОРОТА РАЯ.

Не семью печатями алмазными
Въ Божій рай замкнулся вѣчный входъ,
Онъ не манитъ блескомъ и соблазнами
И его не вѣдаетъ народъ.

Это дверь въ стѣнѣ давно заброшенной,
Камни, мохъ, и больше ничего,
Возлѣ нищій, словно гость непрошенный,
И ключи у пояса его.

Мимо ѣдутъ рыцари и латники,
Трубный вой, бряцанье серебра,
И никто не взглянетъ на привратника,
Свѣтлаго апостола Петра.

Всѣ мечтаютъ: „тамъ, у Гроба Божія
Двери рая вскроются для насъ,
На горѣ Ѳаворѣ, у подножія
Прозвенитъ обѣтованный часъ“.

Такъ проходитъ медленное чудище,
Завывая, трубитъ звонкій рогъ,
И апостолъ Петръ въ дырявомъ рубищѣ,
Словно нищій, блѣденъ и убогъ.

КОЛДУНЬЯ.

Она колдуетъ тихой ночью
У потемнѣвшаго окна
И страстно хочетъ, чтобъ воочью
Ей тайна сдѣлалась видна.

Какъ бредъ мольба ея безсвязна,
Но мысль, упорна и горда,
Она не вѣдаетъ соблазна
И не отступитъ никогда.

Внизу... тамъ дремлетъ городъ пестрый
И кто-то слушаетъ и ждетъ,
Но мечъ, увѣренный и острый,
Онъ тоже знаетъ свой чередъ.

На мертвой площади, гдѣ сѣро
И сонно падаетъ роса,
Живетъ неслыханная вѣра
Въ ея ночныя чудеса.

Но тщетенъ зовъ ея кручины,
Земля все та же, что была,
Вотъ солнце выйдетъ изъ пучины
И позолотитъ купола.

Ночныя тѣни станутъ рѣже,
Прольется гулъ, какъ ропотъ водъ,
И въ сонный городъ вѣтеръ свѣжій
Прохладу моря донесетъ.

И мечъ сверкнетъ, и кто-то вскрикнетъ,
Кого-то приметъ тишина,
Когда усталая поникнетъ
У заалѣвшаго окна.

ВЕЧЕРЪ.

Еще одинъ ненужный день,
Великолѣпный и ненужный!
Приди, ласкающая тѣнь,
И душу смутную одѣнь
Своею ризою жемчужной.

И ты пришла... ты гонишь прочь
Зловѣщихъ птицъ—мои печали.
О, повелительница ночь,
Никто не въ силахъ превозмочь
Побѣдный шагъ твоихъ сандалій!

Отъ звѣздъ слетаетъ тишина,
Блеститъ луна—твое запястье,
И мнѣ во снѣ опять дана
Обѣтованная страна—
Давно оплаканное счастье.

Рощи пальмъ и заросли алоэ,
Серебристо-матовый ручей,
Небо, безконечно голубое,
Небо, золотое отъ лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце?
Развѣ счастье—сказка или ложь?
Для чего-жъ соблазнамъ иновѣрца
Ты себя покорно отдаешь?

Развѣ снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться въ огненномъ бреду,
Развѣ ты не властно жить, какъ травы
Въ этомъ упоительномъ саду?

У меня не живутъ цвѣты,
Красотой ихъ на мигъ я обманутъ,
Постоятъ день, другой, и завянутъ,
У меня не живутъ цвѣты.

Да и птицы здѣсь не живутъ,
Только хохлятся скорбно и глухо,
А на утро—комочекъ изъ пуха...
Даже птицы здѣсь не живутъ.

Только книги въ восемь рядовъ,
Молчаливые, грузные томы
Сторожатъ вѣковыя истомы,
Словно зубы въ восемь рядовъ.

Мнѣ продавшій ихъ букинистъ,
Помню, былъ и горбатымъ и нищимъ...
...Торговалъ за проклятымъ кладбищемъ
Мнѣ продавшій ихъ букинистъ.

ЭТО БЫЛО НЕ РАЗЪ.

Это было не разъ, это будетъ не разъ
Въ нашей битвѣ глухой и упорной:
Какъ всегда, отъ меня ты теперь отреклась,
Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, мой враждующій другъ,
Врагъ мой, схваченный темной любовью,
Если стоны любви будутъ стонами мукъ,
Поцѣлуи окрашены кровью.

СТАРИНА.

Вотъ паркъ съ пустынными опушками,
Гдѣ сонныхъ травъ печальна зыбь,
Гдѣ поздно вечеромъ съ лягушками
Перекликаться любитъ выпь.

Вотъ домъ, старинный и некрашенный,
Въ немъ словно плаваетъ туманъ,
Въ немъ залы гулкія украшены
Изображеніемъ пейзанъ.

Тревожный сонъ... Но сонъ о небѣ ли?
Нѣтъ! На высокомъ чердакѣ,
Какъ рядъ скелетовъ, груды мебели
Въ пыли почіютъ и тоскѣ.

Мнѣ суждено одну тоску нести,
Гдѣ дѣдъ раскладывалъ пасьянсъ
И гдѣ влюблялись тетки въ юности
И танцовали контредансъ.

И сердце мучится бездомное,
Что имъ владѣетъ лишь одна,
Такая скучная и темная,
Незолотая старина.

...Теперь бы кручи необорныя,
Снѣга серебряныхъ вершинъ,
Да тучи сизыя и черныя
Надъ гулкимъ грохотомъ лавинъ!

Онъ поклялся въ строгомъ храмѣ
Передъ статуей Мадонны,
Что онъ будетъ вѣренъ дамѣ,
Той, чьи взоры непреклонны.

И забылъ о тайномъ бракѣ,
Всюду ласки расточая,
Ночью былъ зарѣзанъ въ дракѣ
И пришелъ къ преддверьямъ рая.

—„Ты-ль въ моемъ не клялся храмѣ"
Прозвучала рѣчь Мадонны,
„Что ты будешь вѣренъ дамѣ,
Той, чьи взоры непреклонны?"

„Отойди, не эти жатвы
Собираетъ Царь Всевышній,
Кто нарушилъ слово клятвы,
Въ Царствѣ Божіемъ тотъ лишній".

Но, печальный и упрямый,
Онъ припалъ къ ногамъ Мадонны:
—„Я нигдѣ не встрѣтилъ дамы,
Той, чьи взоры непреклонны“.

БЕАТРИЧЕ.

1.

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть вашу въ пѣсняхъ излейте,
Спойте мнѣ пѣсню о Дантѣ
Или сыграйте на флейтѣ.

Дальше, докучные фавны,
Музыки нѣтъ въ вашемъ кличѣ,
Знаете-ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче.

Странная бѣлая роза
Въ тихой вечерней прохладѣ,
Что это? Снова угроза
Или мольба о пощадѣ?

Жилъ безпокойный художникъ,
Въ мірѣ лукавыхъ обличій
Грѣшникъ, развратникъ, безбожникъ,
Но онъ любилъ Беатриче.

Тайныя думы поэта
Въ сердцѣ его прихотливомъ
Стали потоками свѣта,
Стали шумящимъ приливомъ.

Музы, въ сонетѣ-брильянтѣ
Странную тайну отмѣтьте,
Спойте мнѣ пѣсню о Дантѣ
И Габріелѣ Россетти.

2.

Въ моихъ садахъ цвѣты, въ твоихъ—печаль,
Приди ко мнѣ, красивою печалью,
Заворожи, какъ дымчатой вуалью,
Моихъ садовъ мучительную даль.

Ты—лепестокъ иранскихъ бѣлыхъ розъ,
Войди сюда, въ сады моихъ томленій;
Чтобъ не было порывистыхъ движеній,
Чтобъ музыка была пластичныхъ позъ.

Чтобъ пронеслось съ уступа на уступъ
Задумчивое имя Беатриче
И чтобъ не хоръ мэнадъ, а хоръ дѣвичій
Пѣлъ красоту твоихъ печальныхъ губъ.

3.

Пощади, не довольно ли жалящей боли,
Темной пытки отчаянья, пытки стыда!
Я оставилъ соблазнъ роковыхъ своеволій,
Усмиренный, покорный, я твой навсегда.

Слишкомъ долго мы были затеряны въ безднахъ,
Волны-звѣри, поднявъ свой мерцающій горбъ,
Насъ крутили и били въ объятьяхъ желѣзныхъ
И бросали на скалы, гдѣ пряталась скорбь.

Но теперь, словно бѣлые кони отъ битвы,
Улетаютъ клочки грозовыхъ облаковъ,
Если хочешь, мы выйдемъ для общей молитвы
На хрустящій песокъ золотыхъ острововъ.

4.

Я не буду тебя проклинать,
Я печаленъ печалью разлуки,
Но хочу и теперь цѣловать
Я твои уводящія руки.

Все свершилось, о чемъ я мечталъ
Еще мальчикомъ странно-влюбленнымъ,
Я увидѣлъ блестящій кинжалъ
Въ этихъ милыхъ рукахъ обнаженнымъ.

Ты подаришь мнѣ смертную дрожь,
А не блѣдную дрожь сладострастья,
И меня навсегда уведешь
Къ островамъ совершеннаго счастья.

МОЛИТВА.

Солнце свирѣпое, солнце грозящее,
Бога, въ пространствахъ идущаго,
Лицо сумасшедшее,

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущаго,
Но помилуй прошедшее!

КАПИТАНЫ.

1.

На полярныхъ моряхъ и на южныхъ,
По изгибамъ зеленыхъ зыбей,
Межъ базальтовыхъ скалъ и жемчужныхъ
Шелестятъ паруса кораблей.

Быстрокрылыхъ ведутъ капитаны,
Открыватели новыхъ земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто извѣдалъ мальстремы и мель;

Чья, не пылью затерянныхъ хартій, —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной картѣ
Отмѣчаетъ свой дерзостный путь,

И, взойдя на трепещущій мостикъ,
Вспоминаетъ покинутый портъ,
Отряхая ударами трости
Клочья пѣны съ высокихъ ботфортъ,

Или, бунтъ на борту обнаруживъ,
Изъ-за пояса рветъ пистолетъ,
Такъ что сыпется золото съ кружевъ,
Съ розоватыхъ брабантскихъ манжетъ.

Пусть безумствуетъ море и хлещетъ,
Гребни волнъ поднялись въ небеса, —
Ни одинъ предъ грозой не трепещетъ,
Ни одинъ не свернетъ паруса.

Развѣ трусамъ даны эти руки,
Этотъ острый, увѣренный взглядъ,
Что умѣетъ на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегатъ,

Мѣткой пулей, острогой желѣзной
Настигать исполинскихъ китовъ,
И примѣтить въ ночи многозвѣздной
Охранительный свѣтъ маяковъ?

2.

Вы всѣ, палладины Зеленаго Храма,
Надъ пасмурнымъ моремъ слѣдившіе румбъ,
Гоональво и Кукъ, Лаперузъ и де-Гама,
Мечтатель и царь, генуезецъ Колумбъ!

Ганнонъ Карфагенянинъ, князь Сенегамбій,
Синдбадъ-Мореходъ и могучій Уллисъ,
О вашихъ побѣдахъ гремятъ въ диѳирамбѣ,
Сѣдые валы, набѣгая на мысъ!

А вы, королевскіе псы, флибустьеры,
Хранившіе золото въ темномъ порту,
Скитальцы арабы, искатели вѣры,
И первые люди на первомъ плоту!

И всѣ, кто дерзаетъ, кто хочетъ, кто ищетъ,
Кому опостылѣли страны отцовъ,
Кто дерзко хохочетъ, насмѣшливо свищетъ,
Внимая завѣтамъ сѣдыхъ мудрецовъ!

Какъ странно, какъ сладко входить въ ваши грезы,
Завѣтныя ваши шептать имена,
И вдругъ догадаться, какіе наркозы
Когда-то рождала для васъ глубина!

И кажется, въ мірѣ, какъ прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Гдѣ въ солнечныхъ рощахъ живутъ великаны
И свѣтятъ въ прозрачной водѣ жемчуга.

Съ деревьевъ стекаютъ душистыя смолы,
Узорныя листья лепечутъ: „Скорѣй,
Здѣсь рѣютъ червоннаго золота пчелы,
Здѣсь розы краснѣе, чѣмъ пурпуръ царей!“

И карлики съ птицами спорятъ за гнѣзда,
И нѣженъ у дѣвушекъ профиль лица...
Какъ будто не всѣ пересчитаны звѣзды,
Какъ будто нашъ міръ не открытъ до конца!

3.

Только глянетъ сквозь утесы
Королевскій старый фортъ,
Какъ веселые матросы
Поспѣшатъ въ знакомый портъ.

Тамъ, хвативъ въ тавернѣ сидру,
Рѣчь ведетъ болтливый дѣдъ,
Что сразить морскую гидру
Можетъ черный арбалетъ.

Темнокожія мулатки
И гадаютъ и поютъ,
И несется запахъ сладкій
Отъ готовящихся блюдъ.

А въ заплеванныхъ тавернахъ
Отъ заката до утра
Мечутъ рядъ колодъ невѣрныхъ
Завитые шуллера.

Хорошо по докамъ прота
И слоняться, и лежать,
И съ солдатами изъ форта
Ночью драки затѣвать.

Иль у знатныхъ иностранокъ
Дерзко выклянчить два су,
Продавать имъ обезьянокъ
Съ мѣднымъ обручомъ въ носу.

А потомъ блѣднѣть отъ злости,
Амулетъ зажать въ полу,
Все проигрывая въ кости
На затоптанномъ полу.

Но смолкаетъ зовъ дурмана,
Пьяныхъ словъ безсвязный летъ,
Только рупоръ капитана
Ихъ къ отплытью призоветъ.

4.

Но въ мірѣ есть иныя области,
Луной мучительной томимы,
Для высшей силы, высшей доблести
Они навѣкъ недостижимы.

Тамъ волны съ блесками и всплесками
Непрекращаемаго танца,
И тамъ летитъ скачками рѣзкими
Корабль Летучаго Голландца.

Ни рифъ, ни мель ему не встрѣтятся,
Но, знакъ печали и несчастій,
Огни святого Эльма свѣтятся,
Усѣявъ бортъ его и снасти.

Самъ капитанъ, скользя надъ бездною,
За шляпу держится рукою,
Окровавленной, но желѣзною
Въ штурвалъ вцѣпляется—другою.

Какъ смерть, блѣдны его товарищи,
У всѣхъ одна и та же дума,
Такъ смотрятъ трупы на пожарищѣ
Невыразимо и угрюмо.

И если въ часъ прозрачный, утренній
Пловцы въ моряхъ его встрѣчали,
Ихъ вѣчно мучилъ голосъ внутренній
Слѣпымъ предвѣстіемъ печали.

Ватагѣ буйной и воинственной
Такъ много сложено исторій,
Но всѣхъ страшнѣй и всѣхъ таинственнѣй
Для смѣлыхъ пѣнителей моря, —

О томъ, что гдѣ-то есть окраина —
Туда, за тропикъ Козерога!—
Гдѣ капитана съ ликомъ Каина
Легла ужасная дорога.

Жемчугъ Розовый.

— Что твой знакъ? — «Прозрѣнье глаза,
Дальность слуха, окрыленье ногъ»;

Вячеславъ Ивановъ.

РЫЦАРЬ СЪ ЦѢПЬЮ.

Слышу гулъ и завыванье призывающихъ роговъ
И я снова конквистадоръ, покоритель городовъ.

Словно рабъ я былъ закованъ, жилъ, униженный, въ плѣну,
И забылъ, неблагодарный, про могучую весну.

А она пришла, ступая надъ рубинами цвѣтовъ,
И, ревнивая, разбила сталь мучительныхъ оковъ.

Я опять иду по скаламъ, пью студеныя струи,
Подъ дыханьемъ океана раны зажили мои.

Но, вступая, обновленный, въ неизвѣстную страну,
Ничего я не забуду, ничего не прокляну.

И чтобъ помнить каждый подвигъ, и возвышенность и степь,
Я къ серебряному шлему прикую стальную цѣпь.

ЗАВОДИ.

Н. В. Анненской.

Солнце скрылось на западѣ
За полями обѣтованными
И стали тихія заводи
Синими и благоуханными.

Сонно дрогнулъ камышь,
Пролетѣла летучая мышь,
Рыба плеснулась въ омутѣ...
...И направились къ дому тѣ
У кого есть домъ
Съ голубыми ставнями,
Съ креслами давними,
И круглымъ чайнымъ столомъ.

Я одинъ остался на воздухѣ
Смотрѣть на сонную заводь,
Гдѣ днемъ такъ отрадно плавать,
А вечеромъ плакать,
Потому что я люблю тебя, Господи.

АНДРОГИНЪ.

Тебѣ никогда не устанемъ молиться,
Немыслимо-дивное Богъ-Существо,
Мы знаемъ, Ты здѣсь, Ты готовъ проявиться,
Мы вѣримъ, мы вѣримъ въ Твое торжество.

Подруга, я вижу, ты жертвуешь много,
Ты въ жертву приносишь себя самое,
Ты тѣло даешь для Великаго Бога,
Изысканно-нѣжное тѣло свое.

Спѣши же, подруга! Какъ духи нагими,
Должны мы исполнить старинный обѣтъ,
Шепнуть, задыхаясь, забытое Имя
И, вздрогнувъ, услышать желанный отвѣтъ.

Я вижу, ты медлишь, смущаешься... Что же?!
Пусть двое погибнутъ, чтобъ ожилъ одинъ,
Чтобъ странный и свѣтлый съ безумнаго ложа,
Какъ фениксъ изъ пламени, всталъ Андрогинъ.

И воздухъ какъ роза, и мы какъ видѣнья,
То близокъ къ отчизнѣ своей пилигримъ...
И вѣрь! Не коснется до насъ наслажденье
Бичемъ оскорбительно-жгучимъ своимъ.

КЕНГУРУ.

УТРО ДѢВУШКИ.

Сонъ меня сегодня не разнѣжилъ,
Я проснулась рано по утру
И пошла, вдыхая воздухъ свѣжій,
Посмотрѣть ручного кенгуру.

Онъ срывалъ пучки смолистыхъ иголъ,
Глупый, для чего-то ихъ жевалъ
И смѣшно, смѣшно ко мнѣ запрыгалъ
И еще смѣшнѣе закричалъ.

У него такъ неуклюжи ласки,
Но и я люблю ласкать его,
Чтобъ его коричневые глазки
Мигомъ освѣтило торжество.

А потомъ, охвачена истомой,
Я мечтать усѣлась на скамью:
Что-жъ нейдетъ онъ, дальній, незнакомый,
Тотъ одинъ, котораго люблю!

Мысли такъ отчетливо ложатся,
Словно тѣни листьевъ по утру,
Я хочу къ кому-нибудь ласкаться,
Какъ ко мнѣ ласкался кенгуру.

Ты помнишь дворецъ великановъ,
Въ бассейнѣ серебряныхъ рыбъ,
Аллеи высокихъ платановъ
И башни изъ каменныхъ глыбъ.

Какъ конь золотистый у башенъ,
Играя, вставалъ на дыбы
И бѣлый чапракъ былъ украшенъ
Узорами тонкой рѣзьбы.

Ты помнишь, у облачныхъ впадинъ
Съ тобою нашли мы карнизъ,
Гдѣ звѣзды, какъ горсть виноградинъ,
Стремительно падали внизъ.

Теперь, о скажи, не блѣднѣя,
Теперь мы съ тобою не тѣ,
Быть можетъ, сильнѣй и смѣлѣе,
Но только чужіе мечтѣ.

У насъ какъ точеныя руки,
Красивы у насъ имена,
Но мертвой, томительной скукѣ
Душа навсегда отдана.

И мы до сихъ поръ не забыли,
Хоть намъ и дано забывать,
То время, когда мы любили,
Когда мы умѣли летать.

МАЭСТРО.

Н. Л. Сверчкову.

Въ красномъ фракѣ съ галунами,
Надушенный, всталъ маэстро,
Онъ разсыпалъ передъ нами
Звуки легкіе оркестра.

Звуки мчались и кричали,
Какъ видѣнья, какъ гиганты,
И метались въ гулкой залѣ,
И роняли брилліанты.

Къ золотымъ сбѣгали рыбкамъ,
Что плескались, тамъ въ бассейнѣ,
И по дѣвичьимъ улыбкамъ
Плыли тище и лилейнѣй.

Созидали башни храмамъ
Голубѣющаго рая
И ласкали плечи дамамъ,
Улыбаясь и играя.

А потомъ съ веселой дрожью,
Закрутившись вкругъ оркестра,
Тихо падали къ подножью
Надушеннаго маэстро.

ХРИСТОСЪ

Онъ идетъ путемъ жемчужнымъ
По садамъ береговымъ,
Люди заняты ненужнымъ,
Люди заняты земнымъ.

„Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!
Васъ зову я навсегда,
Чтобъ блюсти иную паству
И иные невода“.

„Лучше-ль рыбы или овцы
Человѣческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши“.

„Вѣдь не домикъ въ Галилеѣ
Вамъ награда за труды,—
Свѣтлый рай, что розовѣе
Самой розовой звѣзды“.

„Солнце близится къ притину,
Слышно вѣянье конца,
Но отрадно будетъ Сыну
Въ Домѣ Нѣжнаго Отца".

Не томитъ, не мучитъ выборъ,
Что плѣнительнѣй чудесъ?!
И идутъ пастухъ и рыбарь
За искателемъ небесъ.

СКАЗОЧНОЕ.

Ярче золота вспыхнули дни
И бѣжала медвѣдица-ночь,
Догони ее, князь, догони,
Заарканъ и къ сѣдлу приторочь.

Черезъ лѣсъ, черезъ ровъ, черезъ гать
Устремилась она къ колдуну,
Чтобъ съ недобрымъ гадать, волховать
И губить молодую весну.

Догони ее, князь, догони,
Не жалѣй дорогого коня,
Посмотри, усмѣхаются пни,
Въ темныхъ дуплахъ мерцанье огня.

Заарканъ и къ сѣдлу приторочь,
А потомъ въ голубомъ терему
Укажи на медвѣдицу-ночь
Богатырскому псу своему.

Мертвой хваткой вцѣпляется песъ,
Онъ отваженъ, силенъ и хитеръ,
Онъ звѣриную злобу донесъ
Къ колдунамъ съ незапамятныхъ поръ.

Великая Радость, смѣясь,
На узорное ступитъ крыльцо,
Тихо молвитъ: „люблю тебя, князь,
Для тебя я открыла лицо“.

ОХОТА.

Князь вынулъ бичъ и кинулъ кличъ,
Грозу охотничьихъ добычъ,

И бѣлый конь, душа погонь,
Ворвался въ стынущую сонь.

Ударъ копытъ въ снѣгу шуршитъ
И звѣрь встаетъ, и звѣрь бѣжитъ,

Но не спастись ни въ глубь, ни въ высь,
Какъ змѣи, стрѣлы понеслись.

Ихъ легкій взмахъ наводитъ страхъ
На неуклюжихъ россомахъ,

Грызетъ ихъ мѣдь сѣдой медвѣдь
Но все же долженъ умереть,

И легче птицъ, склоняясь ницъ,
Князь ищетъ четкій слѣдъ лисицъ.

Но вечеръ алъ, и князь усталъ,
Прилегъ на мохъ и задремалъ,

Не дремлетъ конь, его не тронь,
Огонь въ глазахъ его, огонь.

И, волкъ равнинъ, подходитъ финнъ,
Туда, гдѣ дремлетъ властелинъ,

А ночь свѣтла, земля бѣла,
Господь, спаси его отъ зла!

Мнѣ снилось: мы умерли оба,
Летимъ съ успокоеннымъ взглядомъ.
Два бѣлые, бѣлые гроба
Поставлены рядомъ.

Когда мы сказали „довольно"?
Давно ли и что это значитъ?
Но странно, что сердцу не больно,
Что сердце не плачетъ.

Безсильныя чувства такъ странны,
Застывшія мысли такъ ясны,
И губы твои не желанны,
Хоть вѣчно прекрасны.

Свершилось! Мы умерли оба,
Летимъ съ успокоеннымъ взглядомъ,
Два бѣлые, бѣлые гроба
Поставлены рядомъ.

ПОКОРНОСТЬ.

Только усталый достоинъ молиться богамъ,
Только влюбленный — ступать по весеннимъ лугамъ!

На небѣ звѣзды, и тихая грусть на землѣ,
Тихое „пусть“ прозвучало и таетъ во мглѣ.

Это покорность! Приди и склонись надо мной,
Блѣдная дѣва подъ траурно-черной фатой!

Край мой печаленъ, затерянъ въ болотной глуши,
Нѣту прекраснѣе края для скорбной души.

Вонъ порыжѣвшія почки и мокрый оврагъ,
Я для него отрекаюсь отъ призрачныхъ благъ.

Что я: влюбленъ или просто смертельно усталъ,
Такъ хорошо, что мой взоръ, наконецъ, отблисталъ!

Тихо смотрю, какъ степная колышется зыбь,
Тихо внимаю, какъ плачетъ болотная выпь.

УХОДЯЩЕЙ.

Не мѣдной музыкой фанфаръ,
Не грохотомъ роговъ
Я мой привѣтствовалъ пожаръ
И сонъ твоихъ шаговъ.

— Сковала блѣдныя уста
Святая Тишина
И въ небѣ знаменемъ Христа
Сіяла намъ луна.

И рокотали соловьи
О Розѣ Горнихъ странъ,
Когда глаза мои, твои,
Заворожилъ туманъ.

И вотъ теперь, когда съ тобой
Я здѣсь послѣдній разъ,
Слезы ни флейта, ни гобой,
Не вызовутъ изъ глазъ.

Теперь душа твоя мертва,
Мечта твоя темна,
А мнѣ все тѣ жъ твердитъ слова
Святая Тишина.

Соединяющій тѣла
Ихъ разлучаетъ вновь,
Но будетъ жизнь моя свѣтла,
Пока жива любовь.

СВИДАНЬЕ.

Сегодня ты придешь ко мнѣ,
Сегодня я пойму,
Зачѣмъ такъ странно при лунѣ
Остаться одному.

Ты остановишься, блѣдна,
И тихо сбросишь плащъ,
Не такъ ли полная луна
Встаетъ изъ темныхъ чащъ?

И, околдованный луной,
Окованный тобой,
Я буду счастливъ тишиной,
И мракомъ, и судьбой.

Такъ звѣрь безрадостныхъ лѣсовъ,
Почуявшій весну,
Внимаетъ шороху часовъ
И смотритъ на луну,

И тихо крадется въ оврагъ
Будить ночные сны,
И согласуетъ легкій шагъ
Съ движеніемъ луны.

Какъ онъ и я хочу молчать,
Смотрѣть и изнемочь,
Храня торжественно печать,
Твою печать, о Ночь!

И будетъ много свѣтлыхъ лунъ
Во мнѣ и вкругъ меня,
И блѣдный берегъ древнихъ дюнъ
Откроется, маня.

И донесетъ изъ темноты
Зеленый океанъ
Кораллы, жемчугъ и цвѣты,
Дары далекихъ странъ.

И вздохи тысячи существъ,
Исчезнувшихъ давно,
И темный сонъ нѣмыхъ веществъ,
И звѣздное вино.

...Уйдешь, и буду я внимать
Послѣдней пѣснѣ лунъ,
Смотрѣть, какъ день встаетъ опять
Надъ гладью блѣдныхъ дюнъ.

МАРКИЗЪ ДЕ-КАРАБАСЪ.

С. Ауслендеру.

Весенній лѣсъ пѣвучъ и свѣтелъ,
Черны и радостны поля,
Сегодня я впервые встрѣтилъ
За старой ригой журавля.

Смотрю на тающую глыбу,
На отблескъ розовыхъ зарницъ,
А умный котъ мой ловитъ рыбу
И въ сѣть заманиваетъ птицъ.

Онъ знаетъ слѣдъ хорька и зайца,
Лазейки сквозь камышъ къ рѣкѣ,
И такъ вкусны сорочьи яйца,
Имъ испеченныя въ пескѣ.

Когда же роща тьму приклечетъ,
Туманъ уронитъ капли росъ
И задремлю я, онъ мурлычетъ,
Уткнувъ мнѣ въ руку влажный носъ.

—„Мнѣ сладко вамъ служить; за васъ
Я смѣло міру брошу вызовъ,
Вѣдь вы маркизъ де Карабасъ,
Потомокъ самыхъ древнихъ расъ,
Средь всѣхъ отличенный маркизовъ“.

„И дичь въ лѣсу́, и сосны горъ,
Богатыхъ золотомъ и мѣдью,
И нивъ желтѣющихъ просторъ,
И рыба въ глубинѣ озеръ
Принадлежатъ вамъ по наслѣдью“.

„Зачѣмъ же спите вы въ норѣ,
Всегда причудливый ребенокъ,
Зачѣмъ не жить вамъ при дворѣ,
Не ѣсть и пить на серебрѣ
Средь попугаевъ и болонокъ?!“

Мой добрый котъ, мой котъ ученый
Печальный подавляетъ вздохъ
И лапкой бѣлой и точеной,
Сердясь, вычесываетъ блохъ.

На утро снова я подъ ивой
(Въ ея корняхъ такой уютъ)
Рукой разсѣянно-лѣнивой
Бросаю камни въ дымный прудъ.

Какъ тяжелы они, какъ мѣтки,
Какъ по водѣ они скользятъ!
...И въ каждой травкѣ, въ каждой вѣткѣ
Я мой встрѣчаю маркизатъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ КИТАЙ.

С. Судейкину.

Воздухъ надъ нами чистъ и звонокъ,
Въ житницу волъ отвезъ зерно,
Отданный повару палъ ягненокъ,
Въ мѣдныхъ ковшахъ играетъ вино.

Что же тоска намъ сердце гложетъ,
Что мы пытаемъ бытіе?
Лучшая дѣвушка дать не можетъ
Больше того, что есть у нея.

Всѣ мы знавали злое горе,
Бросили всѣ завѣтный рай,
Всѣ мы, товарищи, вѣримъ въ море,
Можемъ отплыть въ далекій Китай.

Только не думать! Будетъ счастье
Въ самомъ крикливомъ какаду,
Душу исполнитъ намъ жгучей страстью
Смуглый ребенокъ въ чайномъ саду.

Въ розовой пѣнѣ встрѣтимъ даль мы,
Насъ испугаетъ мѣдный левъ;
Что намъ пригрезится въ ночь у пальмы?
Какъ опьянятъ насъ соки деревъ?

Праздникомъ будутъ тѣ недѣли,
Что проведемъ на кораблѣ...
Ты ли не опытенъ въ пьяномъ дѣлѣ,
Вѣчно румяный, мэтръ Раблэ?

Грузный, какъ бочки винъ токайскихъ,
Мудрость свою прикрой плащемъ,
Ты будешь пугаломъ дѣвъ китайскихъ,
Бедра обвивъ зеленымъ плющемъ.

Будь капитаномъ! Просимъ! Просимъ!
Вмѣсто весла вручаемъ жердь...
Только въ Китаѣ мы якорь бросимъ,
Хоть на пути и встрѣтимъ смерть!

СѢВЕРНЫЙ РАДЖА.

Валентину Кривичу.

I.

Она простерлась, не живая,
Когда замышленъ былъ набѣгъ,
Ее сковали грусть безъ края
И синій ледъ и бѣлый снѣгъ.

Но и задумчивыя ели
Въ цвѣтахъ серебряной луны,
Всегда тревожныя, хотѣли
Святой по-новому весны.

И надъ страной лѣсовъ и гатей
Сверкнула золотомъ заря,
То шли безчисленныя рати
Непобѣдимаго царя.

Онъ жилъ на сказочныхъ озерахъ,
Дитя брильянтовыхъ раджей,
И радость свѣтлая во взорахъ,
И губы лотуса свѣжей.

Но, сына царскаго, на сѣверъ
Его таинственно влечетъ,
Онъ хочетъ въ полѣ видѣть клеверъ,
Въ сосновыхъ рощахъ желтый медъ

Гудитъ земля, оружье блещетъ,
Трубятъ военные слоны
И сынъ полуночи трепещетъ
Предъ сыномъ солнечной страны.

Се—царь! Придите и поймите
Его спасающую сѣть,
Въ кипучій вихрь его событій
Спѣшите кануть и сгорѣть.

Легко сгорѣть и встать иными,
Ступить на новую межу,
Чтобъ встрѣтить въ пламени и дымѣ
Владыку сѣвера, Раджу.

2.

Онъ всталъ на крайнемъ берегу,
И было хмуро побережье,
Едва чернѣли на снѣгу
Слѣды глубокіе, медвѣжьи.

Да въ отдаленной полыньѣ
Плескались рыжіе тюлени,
Да небо въ розовомъ огнѣ
Бросало ровный свѣтъ безъ тѣни.

Онъ обернулся... тамъ, во мглѣ
Дрожали зябнущіе парсы
И, обезсилѣвъ, на землѣ
Валялись царственные барсы,

А дальше падали слоны,
Дрожа, стонали, какъ гиганты,
И лился мягкій свѣтъ луны
На ихъ уборы, ихъ брильянты.

Но людямъ, павшимъ передъ нимъ,
Царь кинулъ гордое рѣшенье:
„Мы въ царствѣ снѣга создадимъ
Иную Индію... Видѣнье.“

„На этотъ звонкій синій ледъ
Утесы мрамора не лягутъ
И лотусъ здѣсь не зацвѣтетъ
Подъ вѣковою сѣнью пагодъ.“

„Но будетъ бѣлая заря
Пылать слѣпительнѣе вдвое,
Чѣмъ у бирманскаго царя
Костры изъ мирры и алоэ.“

„Не бойтесь этой наготы
И пѣсенъ холода и вьюги,
Вы обрѣтете здѣсь цвѣты,
Какихъ не знали бы на югѣ.“

3.

И древле мертвая страна
Съ ея нетронутою новью,
Какъ дѣва юная, пьяна
Своей великою любовью.

Изъ дивной Галліи вотще
Къ ней приходили кавалеры,
Красуясь въ бархатномъ плащѣ,
Манили къ тайнамъ чуждой вѣры.

И Византіи строгой рѣчь,
Ея задумчивыя книги,
Не заковали этихъ плечъ
Въ свои тяжелыя вериги.

Здѣсь каждый мигъ была весна
И въ каждомъ взорѣ жило солнце,
Когда смотрѣла тишина
Сквозь закоптѣлое оконце.

И каждый мыслилъ: „я въ бреду,
Я сплю, но радости все тѣ же,
Вотъ встану въ розовомъ саду
Надъ бѣлымъ мраморомъ прибрежій.“

„И та, которую люблю,
Придетъ застѣнчиво и томно,
Она близка... теперь я сплю
И хорошо, у грезы темной.“

Живетъ законъ священной лжи
Въ картинѣ, статуѣ, поэмѣ—
Мечта великаго Раджи,
Благословляемая всѣми.

Романтическіе Цвѣты

Стихи 1906-08 гг.

И было мукою для нихъ
Что людямъ музыкой казалось.

И. Ѳ. Анненскій.

посвящается

Аннѣ Андреевнѣ

Горенко.

Юный магъ въ пурпуровомъ хитонѣ
Говорилъ нездѣшнія слова,
Передъ ней, царицей беззаконій,
Расточалъ рубины волшебства.

Ароматъ сжигаемыхъ растеній
Открывалъ пространства безъ границъ,
Гдѣ носились сумрачныя тѣни,
То на рыбъ похожи, то на птицъ.

Плакали невидимыя струны,
Огненные плавали столбы,
Гордые военные трибуны
Опускали взоры, какъ рабы,

А царица, тайное тревожа,
Міровой играла крутизной,
И ея атласистая кожа
Опьяняла снѣжной бѣлизной.

Отданный во власть ея причудѣ,
Юный магъ забылъ про все вокругъ,
Онъ смотрѣлъ на маленькія груди,
На браслеты вытянутыхъ рукъ.

Юный магъ въ пурпуровомъ хитонѣ
Говорилъ, какъ мертвый, не дыша,
Отдалъ все царицѣ беззаконій,
Чѣмъ была жива его душа.

А когда на изумрудахъ Нила
Мѣсяцъ закачался и поблекъ,
Блѣдная царица уронила
Для него алѣющій цвѣтокъ.

Надъ тростникомъ медлительнаго Нила,
Гдѣ носятся лишь бабочки, да птицы,
Скрывается забытая могила
Преступной, но плѣнительной царицы.

Ночная мгла несетъ свои обманы,
Встаетъ луна, какъ грѣшная сирена,
Бѣгутъ бѣлесоватые туманы
И изъ пещеры крадется гіена.

Ея стенанья яростны и грубы,
Ея глаза зловѣщи и унылы,
И страшны угрожающіе зубы
На розоватомъ мраморѣ могилы.

„Смотри, луна, влюбленная въ безумныхъ,
Смотрите звѣзды, стройныя видѣнья,
И темный Нилъ, владыка водъ безшумныхъ,
И бабочки, и птицы, и растенья.“

„Смотрите всѣ, какъ шерсть моя дыбится,
Какъ блещутъ взоры злыми огоньками,
Не правда-ль, я такая же царица,
Какъ та, что спитъ подъ этими камнями?"

„Ея глаза свѣтилися измѣной,
Носили смерть изогнутыя брови,
Она была такою же гіеной,
Она, какъ я, любила запахъ крови."

По деревнямъ собаки воютъ въ страхѣ,
Въ домахъ рыдаютъ маленькія дѣти,
И хмурые хватаются феллахи
За длинныя, безжалостныя плети.

Что ты видишь во взорѣ моемъ,
Въ этомъ блѣдно-мерцающемъ взорѣ?
—Я въ немъ вижу глубокое море
Съ потонувшимъ большимъ кораблемъ.

Тотъ корабль... величавѣй, смѣлѣе
Не видали надъ бездной морской.
Колебались высокія реи,
Трепетала вода за кормой.

И летучія странныя рыбы
Покидали подводный предѣлъ
И бросали на воздухъ изгибы
Изумрудно-блистающихъ тѣлъ.

Ты стояла на дальнемъ утесѣ,
Ты смотрѣла, звала и ждала,
Ты въ послѣднемъ веселомъ матросѣ
Огневое стремленье зажгла.

И никто никогда не узнаетъ
О безумной, предсмертной борьбѣ
И о томъ, гдѣ теперь отдыхаетъ
Тотъ корабль, что стремился къ тебѣ.

И зачѣмъ эти тонкія руки
Жемчугами прорѣзали тьму,
Точно ласточки съ пѣсней разлуки,
Точно сны, улетая къ нему?

Только тотъ, кто съ тобою, царица,
Только тотъ вспоминаетъ о немъ,
И его голубая гробница
Въ затуманенномъ взорѣ твоемъ.

Тамъ, гдѣ похороненъ старый магъ,
Гдѣ пробита въ мраморѣ пещера,
Мы услышимъ робкій, тайный шагъ,
Мы съ тобой увидимъ Люцифера.

Подожди, погаснетъ скучный день,
Въ мірѣ будетъ тихо, какъ во храмѣ,
Люциферъ прокрадется, какъ тѣнь,
Съ тихими вечерними тѣнями.

Скрытые, незримые для всѣхъ,
Сохранимъ мы нѣжное молчанье,
Будемъ слушать серебристый смѣхъ
И безсильно-горькое рыданье.

Синій блескъ намъ взоръ заворожитъ;
Фея Мабъ свои разскажетъ сказки,
И спугнетъ, блуждая, Вѣчный Жидъ
Бабочекъ оранжевой окраски.

Но когда воздушный, лунный знакъ
Поблѣднѣетъ, шествуя къ паденью,
Снова станетъ трупомъ старый магъ,
Люциферъ—блуждающею тѣнью.

Фея Мабъ на лунномъ лепесткѣ
Улетитъ къ далекому чертогу,
И, угрюмо посохъ сжавъ въ рукѣ,
Вѣчный Жидъ пойдетъ въ свою дорогу.

И, взойдя на плиты алтаря,
Мы заглянемъ въ узкое оконце,
Чтобы встрѣтить пѣснею царя—
Золотисто-огненное солнце.

ИМПЕРАТОРЪ КАРАКАЛЛА.

1.

Призракъ какой-то невѣдомой силы,
Ты ль, указавшій законы судьбѣ,
Ты ль, императоръ, во мракѣ могилы,
Хочешь, чтобъ я говорилъ о тебѣ?

Горе мнѣ! Я—не трибунъ, не сенаторъ,
Я—только бѣдный бродячій пѣвецъ,
И для чего, для чего, императоръ,
Ты на меня возлагаешь вѣнецъ?

Заперты мнѣ всѣ богатыя двери
И мои бѣдныя сказки-стихи—
Слушаютъ только бездомные звѣри,
Да на высокихъ горахъ пастухи.

Старый хитонъ мой изодранъ и черенъ,
Очи не зорки и голосъ мой слабъ,
Но ты сказалъ и я буду покоренъ,
О императоръ, я вѣрный твой рабъ!

2.

Императоръ съ профилемъ орлинымъ,
Съ черною, курчавой бородой,
О какимъ бы былъ ты властелиномъ,
Если-бъ не былъ ты самимъ собой!

Любопытно-вдумчивая нѣжность
Словно тѣнь, на царственныхъ устахъ,
Но какая дикая мятежность.
Затаилась въ сдвинутыхъ бровяхъ!

Образы властительные Рима,
Цезарь, Юлій Августъ и Помпей—
Это тѣнь, блѣдна и еле зрима,
Передъ тихой тайною твоей.

Конченъ рядъ желѣзныхъ сновидѣній,
Тихи гробы сумрачныхъ отцовъ,
И ласкаетъ быстрый Тибръ ступени
Гордо-розовѣющихъ дворцовъ.

Жадность сновъ въ тебѣ неутолима:
Ты бы могъ раскинуть ратный станъ,
Бросить пламя въ храмъ Іерусалима,
Укротить бунтующихъ парѳянъ.

Но къ чему побѣды въ часъ вечерній,
Если тѣни упадаютъ ницъ,
Если, точно золото на черни,
Видны ноги стройныхъ танцовщицъ.

Страстная, какъ юная тигрица,
Нѣжная, какъ лебедь сонныхъ водъ,
Въ темной спальнѣ ждетъ императрица,
Ждетъ, дрожа, того, кто не придетъ.

Тамъ, въ твоихъ садахъ безгрѣшность неба,
Звѣзды разбросались, какъ въ бреду,
Тамъ, быть можетъ, ты увидѣлъ Феба,
Трепетно бродящаго въ саду.

Какъ и ты, стрѣлою сновъ пронзенный,
Съ любопытнымъ взоромъ онъ застылъ,
Тамъ, гдѣ дремлетъ съ Нила привезенный,
Темно-изумрудный крокодилъ.

Словно прихотливыя камеи,
Тихіе, пустынные сады,
Съ темныхъ пальмъ въ траву свисаютъ змѣи,
Зрѣютъ небывалые плоды.

Безпокоенъ смутный сонъ растеній,
Плаваютъ туманы, точно сны,
Въ нихъ ночныя бабочки, какъ тѣни,
Съ крыльями жемчужной бѣлизны.

И, великой мукою вселенной
На минуту грудь свою омывъ,
Ты стоишь божественно-надменный,
Императоръ, ты тогда счастливъ.

А потомъ въ твоемъ зеленомъ храмѣ,
Медленно, какъ слѣдуетъ царю,
Ты красиво-мѣрными стихами
Вызываешь новую зарю.

ЛЮБОВНИКАМЪ.

Печаль ихъ душъ родилась возлѣ моря,
Въ священныхъ рощахъ дѣвственныхъ наядъ,
Чьи пѣсни вѣчно радостно звучатъ,
Съ напѣвомъ струнъ, съ игрою вѣтра споря.

Великій жрецъ... страннѣе и суровѣй
Едва-ль была людская красота,
Спокойный взглядъ, сомкнутыя уста,
И на кудряхъ повязка цвѣта крови.

Когда вставалъ туманъ надъ водной степью,
Великій жрецъ творилъ святой обрядъ,
И танцы гибкихъ, трепетныхъ наядъ
По берегу вились жемчужной цѣпью.

Изъ всѣхъ одной, плѣнительнѣй чѣмъ сказка,
Великій жрецъ оказывалъ почетъ,
Онъ позабылъ, что красота влечетъ,
Что опьяняетъ красная повязка.

И звѣзды предразсвѣтныя мерцали,
Когда забылъ великій жрецъ обѣтъ,
Ея уста не говорили „нѣтъ“,
Ея глаза ему не отказали.

И, преданы клеймящему злословью,
Они ушли изъ тьмы священныхъ рощъ,
Туда, гдѣ ихъ сердецъ исчезла мощь,
Гдѣ ихъ сердца живутъ одной любовью.

ПОМПЕЙ У ПИРАТОВЪ.

Отъ кормы, изукрашенной краснымъ,
Дорогіе плывутъ ароматы
Въ трюмъ, гдѣ скрылись въ волненьи опасномъ,
Съ угрожающимъ видомъ пираты.

Съ затаенною злобой боязни
Говорятъ, то храбрясь, то блѣднѣя,
И вполголоса требуютъ казни,
Головы молодого Помпея.

Сколько дней они служатъ рабами,
То покорно, то съ гнѣвомъ напраснымъ,
И не смѣютъ бродить подъ шатрами,
На кормѣ изукрашенной краснымъ

Слышенъ зовъ, это голосъ Помпея,
Окруженнаго стаей голубокъ.
Онъ кричитъ: „эй, собаки, живѣе,
Гдѣ вино, высыхаетъ мой кубокъ!“.

И надъ моремъ сѣдымъ и пустыннымъ
Приподнявшись лѣниво на локтѣ,
Посыпаетъ толченнымъ рубиномъ
Розоватые, длинные ногти.

И, оставивъ мечтанья о мести,
Умолкаютъ смущенно пираты
И несутъ, раболѣпные, вмѣстѣ
И вино, и цвѣты и гранаты.

Улыбнулась и вздохнула,
Догадавшись о покоѣ,
И послѣдній разъ взглянула
На ковры и на обои.

Красный шарикъ уронила
На вино въ узорный кубокъ
И капризно помочила
Въ немъ кораллы нѣжныхъ губокъ.

И живая тѣнь румянца
Замѣнилась тѣнью бѣлой,
И какъ въ странной позѣ танца,
Искривясь, поникло тѣло.

И чужіе міру звуки
Издалека набѣгаютъ,
И незримый бисеръ руки,
Задрожавъ, перебираютъ.

На коврѣ она трепещетъ,
Точно бѣлая голубка,
А отравленная блещетъ
Золотая влага кубка.

ВЛЮБЛЕННАЯ ВЪ ДЬЯВОЛА.

Кто былъ блѣдный и красивый рыцарь,
Что проѣхалъ на черномъ конѣ,
И какая сказочная птица
Кружилась надъ нимъ въ вышинѣ?

И какой печальный взглядъ онъ бросилъ
На мое цвѣтное окно,
И зачѣмъ мнѣ сдѣлался несносенъ
Міръ родной и знакомый давно?

И зачѣмъ мой старшій братъ въ испугѣ,
При дрожащемъ мерцаніи свѣчи
Вынималъ изъ погребовъ кольчуги
И натачивалъ копья и мечи?

И зачѣмъ сегодня въ капеллѣ
Всѣ сходились, читали псалмы,
И монахи угрюмые пѣли
Заклинанья противъ мрака и тьмы?

И спускался сумрачный астрологъ
Съ заклинательной башни въ домъ,
И зачѣмъ былъ такъ странно дологъ
Его споръ съ моимъ старымъ отцомъ?

Я не знаю, ничего не знаю,
Я еще такъ молода,
Но я все же плачу и рыдаю
И мечтаю всегда.

Я долго шелъ по коридорамъ,
Кругомъ, какъ врагъ, таилась тишь.
На пришлеца враждебнымъ взоромъ
Смотрѣли статуи изъ нишъ.

Въ угрюмомъ снѣ застыли вещи,
Былъ страненъ сѣрый полумракъ,
И, точно маятникъ зловѣщій,
Звучалъ мой одинокій шагъ.

И тамъ, гдѣ гуще сумракъ хмурый,
Мой взоръ горящій былъ смущенъ
Едва замѣтною фигурой
Въ тѣни столпившихся колоннъ.

Я подошелъ, и вотъ мгновенный,
Какъ звѣрь, въ меня вцѣпился страхъ,
Я встрѣтилъ голову гіены
На стройныхъ дѣвичьихъ плечахъ.

На острой мордѣ кровь налипла,
Глаза зіяли пустотой,
И мерзко крался шепотъ хриплый:
„Ты самъ пришелъ сюда, ты мой!“

Мгновенья страшныя бѣжали,
И набѣгала полумгла,
И блѣдный ужасъ повторяли
Безчисленныя зеркала

Царица, иль, можетъ быть, только печальный ребенокъ,
Она наклонялась надъ сонно-вздыхающимъ моремъ,
И станъ ея стройный и гибкій казался такъ тонокъ,
Онъ тайно стремился навстрѣчу серебрянымъ зорямъ.

Сбѣгающій сумракъ. Какая-то крикнула птица,
И вотъ передъ ней замелькали на влагѣ дельфины,
Чтобъ плыть къ бирюзовымъ владѣньямъ влюбленнаго принца,
Они предлагали свои изумрудныя спины.

Но голосъ хрустальный казался особенно звонокъ,
Когда онъ упрямо сказалъ роковое „не надо...“
Царица, иль, можетъ быть, только капризный ребенокъ,
Усталый ребенокъ съ безсильною мукою взгляда.

На рукѣ моей перчатка
И ее я не сниму,
Подъ перчаткою загадка,
О которой вспомнить сладко,
И которая уводитъ мысль во тьму.

На рукѣ прикосновенье
Тонкихъ пальцевъ милыхъ рукъ,
И какъ слухъ мой помнитъ пѣнье,
Такъ хранитъ ихъ впечатлѣнье
Эластичная перчатка, вѣрный другъ.

Есть у каждаго загадка,
Уводящая во тьму,
У меня—моя перчатка
И о ней мнѣ вспомнить сладко
И ее до новой встрѣчи не сниму.

Приближается къ Каиру судно
Съ длинными знаменами Пророка,
По матросамъ угадать не трудно,
Что они съ востока.

Капитанъ кричитъ и суетится,
Слышенъ голосъ, гортанный и рѣзкій,
На снастяхъ видны смуглыя лица
И мелькаютъ красныя фески.

На пристани толпятся дѣти,
Забавны ихъ тонкія тѣльца,
Они сошлись еще на разсвѣтѣ
Посмотрѣть, гдѣ станутъ пришельцы.

Аисты сидятъ на крышѣ
И вытягиваютъ шеи,
Они всѣхъ выше
И имъ виднѣе.

Аисты,—воздушные маги,
Имъ многое ясно и понятно,
Почему у одного бродяги
На щекахъ багровыя пятна.

Аисты кричатъ надъ домами,
Но никто не слышитъ ихъ разсказа,
Что вмѣстѣ съ духами и шелками
Пробирается въ городъ зараза.

Сады моей души всегда узорны,
Въ нихъ вѣтры такъ свѣжи и тиховѣйны,
Въ нихъ золотой песокъ и мраморъ черный,
Глубокіе, прозрачные бассейны.

Растенья въ нихъ, какъ сны, необычайны,
Какъ воды утромъ, розовѣютъ птицы,
И (кто пойметъ намекъ старинной тайны),
Въ нихъ дѣвушка въ вѣнкѣ великой жрицы.

Глаза, какъ отблескъ чистой сѣрой стали,
Изящный лобъ, бѣлѣй восточныхъ лилій,
Уста, что никого не цѣловали,
И никогда ни съ кѣмъ не говорили.

И щеки, розоватый жемчугъ юга,
Сокровище немыслимыхъ фантазій,
И руки, что ласкали лишь другъ друга,
Сплетаяся въ молитвенномъ экстазѣ.

У ногъ ея двѣ черныя пантеры
Съ отливами змѣиными на шкурѣ,
Взлетѣвъ отъ розъ таинственной пещеры,
Ея фламинго плаваетъ въ лазури.

Я не смотрю на міръ бѣгущихъ линій,
Мои мечты лишь вѣчному покорны,
Пускай сирокко бѣсится въ пустынѣ,
Сады моей души всегда узорны.

ОЗЕРО ЧАДЪ.

1.

Сегодня, я вижу, особенно грустенъ твой взглядъ
И руки особенно тонки, колѣни обнявъ,
Послушай: далеко, далеко, на озерѣ Чадъ
Изысканный бродитъ жирафъ.

Ему граціозная стройность и нѣга дана
И шкуру его украшаетъ волшебный узоръ,
Съ которымъ равняться осмѣлится только луна,
Дробясь и качаясь на влагѣ широкихъ озеръ.

Вдали онъ подобенъ цвѣтнымъ парусамъ корабля,
И бѣгъ его плавенъ, какъ радостный птичій полетъ,
Я знаю, что много чудеснаго видитъ земля,
Когда на закатѣ онъ прячется въ мраморный гротъ.

Я знаю веселыя сказки таинственныхъ странъ
Про черную дѣву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишкомъ долго вдыхала тяжелый туманъ,
Тѣ вѣрить не хочешь во что-нибудь, кромѣ дождя.

И какъ я тебѣ разскажу про тропическій садъ,
Про стройныя пальмы, про запахъ немыслимыхъ травъ?..
Ты плачешь? Послушай... далеко, на озерѣ Чадъ
Изысканный бродитъ жирафъ.

2.

Барабанный бой племени Бурну.

Видишь, мчатся обезьяны
Съ дикимъ крикомъ на ліаны,
Что свисаютъ низко, низко?
Слышишь шорохъ многихъ ногъ?
Это значитъ близко, близко,
Отъ твоей лѣсной поляны
Разъяренный носорогъ.

Видишь общее смятенье.
Слышишь топотъ, нѣтъ сомнѣнья,
Если даже буйволъ сонный
Отступаетъ глубже въ грязь,
Но въ нездѣшнее влюбленный,
Не ищи себѣ спасенья
Убѣгая и таясь.

Встрѣть спокойно носорога,
Какъ чудовищнаго бога,
Посреди лѣсного храма
Не склони къ землѣ лица,
Если страсть твоя упряма,
Не закрадется тревога
Въ душу смѣлаго жреца.

Подними высоко руки
Съ пѣсней счастья и разлуки,
Взоры въ розовыхъ туманахъ
Мысль далеко уведутъ...
...И изъ странъ обѣтованныхъ
Намъ незримыя фелуки
За тобою приплывутъ.

3.

На таинственномъ озерѣ Чадъ
Повисаютъ, какъ змѣи, ліаны,
Разъяренные звѣри рычатъ
И блуждаютъ сѣдые туманы.

По лѣсистымъ его берегамъ
И въ горахъ, у зеленыхъ подножій,
Поклоняются страннымъ богамъ
Дѣвы-жрицы съ эбеновой кожей.

* * *

Я была жена могучаго вождя,
Дочь любимая властительнаго Чада,
Я одна во время зимняго дождя
Совершала тайны древняго обряда.

Взоръ мой былъ безстрашенъ, какъ стрѣла,
Груди трепетныя звали къ наслажденью,
Я была нѣжна и не могла
Не отдаться заревому искушенью.

* * *

Бѣлый воинъ былъ такъ строенъ,
Губы красны, взоръ спокоенъ,
Онъ былъ истиннымъ вождемъ;
И открылась въ сердцѣ дверца,
А когда намъ шепчетъ сердце
Мы не боремся, не ждемъ.

Онъ сказалъ, что я красива,
И красу мою стыдливо
Я дала его губамъ,
И безумной, знойной ночью
Мы увидѣли воочью
Счастье, данное богамъ.

* * *

Мужъ мой гнался съ вѣрнымъ лукомъ,
Пробѣгалъ лѣсныя чащи,
Перепрыгивалъ овраги,
Плылъ по сумрачнымъ озерамъ

И достался смертнымъ мукамъ...
Видѣлъ только день палящій
Трупъ свирѣпаго бродяги,
Трупъ покрытаго позоромъ.

* * *

А на быстромъ и сильномъ верблюдѣ,
Утопая въ ласкающей грудѣ
Шкуръ звѣриныхъ и тканей восточныхъ,
Я, какъ птица, неслася на сѣверъ,
Я, играя, ломала мой вѣеръ,
Ожидая восторговъ полночныхъ.

Я раздвинула гибкія складки
У моей разноцвѣтной палатки
И, смѣясь, наклонялась въ оконце...

Я смотрѣла, какъ прыгаетъ солнце
Въ голубыхъ глазахъ европейца.

* * *

А теперь, какъ мертвая смоковница,
У которой листья облетѣли,
Я, ненужно-скучная любовница,
Точно вещь я брошена въ Марселѣ.

Чтобъ питаться жалкими отбросами,
Чтобы жить, вечернею порою
Я пляшу предъ пьяными матросами,
И они, смѣясь, владѣютъ мною.

Робкій умъ мой обезсиленъ бѣдами,
Взоръ мой съ каждымъ часомъ угасаетъ...
Умереть? Но тамъ, въ поляхъ невѣдомыхъ,
Тамъ мой мужъ, онъ ждетъ и не прощаетъ.

Слѣдомъ за Синдбадомъ-Мореходомъ
Въ чуждыхъ странахъ я сбиралъ червонцы
И блуждалъ по незнакомымъ водамъ,
Гдѣ, дробясь, пылали блики солнца.

Сколько разъ я думалъ о Синдбадѣ
И въ душѣ лелѣялъ пѣсни тѣ же,
Было сладко грезить о Багдадѣ,
Проходя у чуждыхъ побережій.

Но орелъ, чьи перья—красный пламень,
Что носилъ богатаго Синдбада,
Поднялъ и швырнулъ меня на камень,
Гдѣ морская вѣяла прохлада.

Пусть халатъ мой залитъ свѣжей кровью,
Въ сердцѣ гибель загорѣлась снами,
Я, какъ мальчикъ, схваченный любовью,
Къ дѣвушкѣ, окутанной шелками.

Тишина надъ дальнимъ кругозоромъ,
Въ мысляхъ праздникъ свѣтлаго безсилья
И орелъ, моимъ смущенный взоромъ,
Отлетая, распускаетъ крылья.

ЯПОНСКОЙ АРТИСТКѢ САДО-ЯККО,

которую я видѣлъ въ Парижѣ.

Въ полутемномъ строгомъ залѣ
Пѣли скрипки, Вы плясали.
Группы бабочекъ и лилій
На шелку зеленоватомъ
Какъ живыя говорили
Съ электрическимъ закатомъ
И ложилась тѣнь акацій
На полотна декорацій.

Вы казались бонбоньеркой
На изящной этажеркѣ
И какъ бѣленькія кошки,
Какъ играющія дѣти,
Ваши маленькія ножки
Трепетали на паркетѣ
И жуками золотыми
Намъ сіяло Ваше имя.

И, когда Вы говорили,
Мы далекое любили,
Вы бросали въ насъ цвѣтами
Незнакомаго искусства,
Непонятными словами
Опьяняя наши чувства.
И мы вѣрили, что солнце
—Только вымыселъ японца.

НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ СКАЗКА.

Надъ высокою горою
Поднимались стѣны замка
И рѣка вилась змѣею
Какъ причудливая рамка.

Ночью солнце тамъ дремало,
Пѣть въ томъ замкѣ былъ обычай,
И онъ звался замкомъ Лалло,
Лебедей и Горныхъ Кличей.

Въ замкѣ были властелины—
Принцъ, на дняхъ еще изъ дѣтской,
Золотистые павлины
И напыщенный дворецкiй.

Принцъ былъ облачка прелестнѣй,
Принцъ былъ ласточки проворнѣй,
Онъ былъ прозванъ принцемъ пѣсни
Посреди веселой дворни.

И павлины, словно феи,
Краской спорили съ цвѣтами,
Выгибая съ нѣгой шеи,
Похваляяся хвостами.

Безъ цвѣтистыхъ прибаутокъ
Говорить не могъ дворецкій,
И служилъ предметомъ шутокъ
Всѣмъ парикъ его нѣмецкій.

Въ залѣ гордыхъ восклицаній
Много копій и аркановъ,
Чтобъ охотиться на ланей
И рыкающихъ кабановъ.

Были выписаны своры
Псовъ высокихъ и красивыхъ
И рожки, что звали въ горы
Въ серебристыхъ переливахъ.

Видъ принявши молодецкій,
Принцъ несется на охоту,
Но за нимъ бѣжитъ дворецкій,
Отогнавъ свою дремоту.

Онъ кричитъ въ смѣшномъ испугѣ
—Кудри смялись, развилися—
„Гей, вы тамъ, постойте, слуги,
Принцъ, не ѣзди, воротися!

За предѣлами Веледа
Есть заклятыя дороги,
Тамъ я видѣлъ людоѣда
На огромномъ носорогѣ.

Кровожадный, ликомъ темный,
Онъ бросаетъ злые взоры,
Носорогъ его огромный
Потрясаетъ ревомъ горы.

Не ходи за тѣ границы,
Помни старые законы,
Видишь, траурныя птицы,
Въ небѣ плаваютъ вороны".

Принцъ не слушаетъ и мчится,
Бѣлый панцырь такъ и блещетъ,
Соколъ—царственная птица
На рукѣ его трепещетъ.

И, скача изъ рощей въ рощи,
Онъ вошелъ въ страну страданья,
Гдѣ, какъ папоротникъ тощій,
Выростаютъ заклинанья.

Тамъ жилище людоѣда—
Скалъ поднялися уступы
И, трофей его побѣды,
Полусъѣденные трупы.

Тамъ, какъ сны необычайны,
Извиваются удавы...
... Но дворецкій знаетъ тайны,
Жжетъ магическія травы.

Не успѣлъ алтарь остынуть—
Людоѣдъ уже встревоженъ,
Не пытается онъ вынуть
Мечъ сверкающій изъ ноженъ.

На душѣ тяжелый ужасъ,
Непонятная тревога
И трубитъ онъ въ рогъ, натужась,
Чтобы вызвать носорога.

Но онъ скоро рогъ оставитъ,
Другъ его въ лѣсистомъ мракѣ,
Гдѣ его упорно травятъ
Быстроногія собаки.

Юный принцъ вошелъ нечаянъ
Въ замокъ зла и заклинаній
И испуганный хозяинъ
Былъ потащенъ на арканѣ...

... Въ часъ красивый и вечерній,
Въ замокъ Лалло, Горныхъ Кличей,
На потѣху праздной черни
Принцъ является съ добычей.

Людоѣда посадили
Одного съ его тоскою
Въ башню мрака, башню пыли,
За высокою стѣною.

Говорятъ, онъ сталъ добрѣе,
Проходящимъ строитъ глазки
И о томъ, какъ пляшутъ феи,
Сочиняетъ дѣтямъ сказки.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Жемчугъ Сѣрый

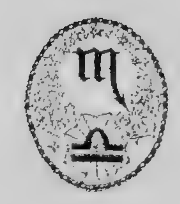
Жемчугъ Розовый.

Романтическіе цвѣты.

КАТАЛОГЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

«СКОРПІОНЪ»

КЪ 15 АПРѢЛЯ 1910 ГОДА.

I. СТИХИ.

Ю. Балтрушайтисъ. Земныя ступени. Элегіи. Готовится.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.

Томъ I. (Подъ сѣвернымъ Небомъ. Въ безбрежности. Тишина). М. 1908 г. Изданіе третье. Ц. 2 р.

Томъ II (Горящія Зданія). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томы IV, V, VI, VIII, IX готовятся къ печати.

Томъ VII. (Жаръ-Птица). Фронтисписъ К. Сомова. М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ X. (Хороводъ Временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Стихи. 1892—1909 гг.

Томъ I. Стихи 1892-1901 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse. Tertia Vigilia). М. 1907 г. Ц. 2 р.

Томъ II. Стихи 1902-1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos). М. 1908. Ц. 2 р.

Томъ III. Стихи 1907-1909 гг. (Всѣ Напѣвы). М. 1909. Ц. 2 р.

Ив. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 1 р.

Андрей Бѣлый. Золото въ Лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.

Поль Верлэнъ. Гимны, пѣсни, исповѣди, въ переводѣ Валерія Брюсова. Готовится.

Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Переводъ Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна, работы Т. ванъ Риссельберга. Ц. 1 р. 30 к.

Юрій Верховскій. Разныя стихотворенія. М. 1908 г. Ц. 80 к.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Гумилевъ. Жемчуга. Вторая книга стиховъ. Обложка Н. Кардовскаго. М. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Cor Ardens. Speculum Speculorum. Эросъ. Любовь и смерть. Фронтисписъ К. Сомова. Печатается.

М. Кузминъ. Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Феофилактова. М. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора и предисловіемъ Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц. 2 р.

Николай Морозовъ. Звѣздныя Пѣсни. Книга стиховъ. Выйдетъ въ маѣ.

Өедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. (Баллада Рэдингской тюрьмы). Пер. размѣромъ подлинника К. Бальмонта. М. 1904 г. Ц. 50 к

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая). Въ 4 частяхъ. М 1904 г. Ц. 75 к.

Андрей Бѣлый. Четвертая симфонія. Кубокъ метелей. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Андрей Бѣлый. Серебряный Голубь. Повѣсть въ семи главахъ съ эпилогомъ. Обложка Н. Уткина. М. 1910. Выйдетъ въ маѣ.

Валерій Брюсовъ. Земная Ось. Разсказы и драматическія сцены М. 1907. Ц. 1 р. 50 к. (Осталось ограниченное количество экземпляровъ).

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Второе, исправленное и дополненное изданіе. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Кнутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки и разсказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.

Жагадисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Феофилактова. М. 1905. Ц. 65 к.

М. Кузминъ. Первая книга разсказовъ. (Приключенія Эме Лебефа. Письма Клары Вальмонъ. Тѣнь Филлиды. Флоръ и разбойникъ. Рѣшеніе Анны Мейеръ. Кушетка тети Сони Крылья). М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

М. Кузминъ. Вторая книга разсказовъ. (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиппѣ. Нѣжный Іосифъ). М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.
Томъ I. Поэмы, сказки. Готовится второе изданіе.
Томъ II. Разсказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.
Томъ III. Страшные разсказы, гротески. Готовится.

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій.

Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли (Романъ въ 3 частяхъ) и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. М. 1905 г. Обложка Е. Надельмана. Ц. 2 р. 40 к.

Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Переводъ М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906 г. Ц. 1 р.

Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Переводъ Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Жало Смерти. (Шесть разсказовъ). М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

II. ДРАМЫ.

Габріэль д'Аннунціо. Трагедіи. (Мертвый Городъ. Джіоконда. Слава). Перев. съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ. съ рукописи Валерія Брюсова. М, 1909 г. Ц. 80 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1907 г. Ц. 50 к.

Л. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

З. Красинскій. Небожественная комедія. Переводъ А. Курсинскаго. Изд. 2-е. М. 1906. Ц. 60 к.

Шарль ванъ-Лербергъ. Панъ. Они почуяли. М-lle Ко-си-Сѣно. Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Ѳеофилактова. М. 1908 Ц. 1 р.

Шарль ванъ-Лербергъ. Они почуяли. М-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к,

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. М. 1907. Ц. 1 р.

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи М. Ликіардопуло и А. Курсинскаго. М. 1907. Ц. 80 к.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія (Парацельсъ, Подруга, Зеленый попугай). Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к.

IV. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

К. Бальмонтъ. Змѣиные цвѣты. Книга о Мексикѣ. Съ многочисленными иллюстраціями. М. 1910. Ц. 3 р.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Изслѣдованіе. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ. Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. Изд. 2-е М. 1910 г. Ц. 40 к.

Г. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 70 к.

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арт. Симонсъ и Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Авториз. переводъ М. Ликіардопуло. Съ портретомъ О. Бердслея и воспроизведеніеями его рисунковъ. Готовится.

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цвѣты на 1901 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К Сомова. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты на 1902 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, разсказы, статьи: К. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппіусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ѳ. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904 г. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійскіе на 1904—5 гг. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три разцвѣта“, драма К. Бальмонта. „Земля“, сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова. „Танталъ“, трагедія Вяч. Иванова. Стихи и разсказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппіусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Ѳеофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р.

VI. АЛЬБОМЫ.

К. Юонъ. Семь дней творенія. М. 1910. Ц. 1 р.

Н. Ѳеофилактовъ. 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, черной и трехцвѣтной автотипіей). М. 1908 г. Ц. 3 р.

VII. МУЗЫКА.

М. Кузминъ. Куранты любви. Слова и музыка. Съ рисунками и заставками С. Судейкина и Н. Ѳеофилактова. Печатается.

VIII. „ВѢСЫ".

Ежемѣсячникъ искусствъ и литературы. Шесть лѣтъ изданія (1904—1909), 72 №№, свыше 7000 страницъ текста большого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ „Вѣсахъ напечатаны **неизданные** стихи, повѣсти, разсказы, драмы, статьи, письма, воспоминанія русскихъ и иностранныхъ писателей: Ренэ Аркоса, С. Ауслендера, Ю. Балтрушайтиса, К. Бальмонта, Е. Баратынскаго, О. Бердетта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна, З. Гиппіусъ, Ренэ Гиля, Ж. де Гурмона, С. Городецкаго, В. Гофмана, Н. Гумилева, И. Грабаря, В. Жуковскаго, Вяч. Иванова, В. Каллаша, М. Кальвокоресси, Антона Крайняго, А. Кондратьева, М. Кузмина, Н. Лернера, М. Ликіардопуло, Д. Мережковскаго, В. Морфила, Н. Минскаго, Дж. Папини, С. Полякова, А. С. Пушкина, Ст. Пшибышевскаго, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, И. Рукавишникова, Б. Садовского, Вл. Соловьева, С. Соловьева, Ѳ. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. Н. Толстого, Оскара Уайльда, К. Чуковскаго, Г. Чулкова, М. Шика, Эллиса, П. Эттингера и мн. др. „Въ Вѣсахъ" воспроизведены (въ одну и нѣсколько красокъ) картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, Э. Борисова-Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенпрейса, О. Гиліа, К. Вальзера, А. де-Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ларіонова, Левитана, Павла Кузнецова, В. Миліоти, А. Мартини, Л. Пастернака, О. Рэдона, Н. Рериха, Т. ванъ Риссельберга, А. Рувейра, Н. Сапунова, К. Сомова, Т. Стерджъ-Мура, С. Судейкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, Н. Ѳеофилактова и мн. др.

Значительная часть матеріала, обнародованная въ „Вѣсахъ", больше нигдѣ не появлялась

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ" за всѣ шесть лѣтъ изданія —**40** руб. безъ пересылки. Отдѣльные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906 — по **6** руб. безъ пересылки, 1908, 1909,—по **7** руб. безъ пересылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. **(безъ 1907 г.)**—27 руб., безъ пересылки; **1907 г. отдѣльно не продается.** Пересылка по дѣйствительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанныя цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

10

IX. РАСПРОДАННЫЯ ИЗДАНІЯ.

К. Д. Бальмонтъ. Будемъ какъ Солнце. Обложка Фидуса. М. 190
К. Д. Бальмонтъ. Собраніе стиховъ. Т. I и II. Изд. I. М. 1904—0
А. Блокъ. Нечаянная Радость. М. 1907.
Валерій Брюсовъ. Stephanos. Стихи. 1904—1906 гг. М. 1906.
Валерій Брюсовъ. Tertia Vigilia. Стихи 1897—1900 гг. М. 1901
Валерій Брюсовъ. Urbi et Orbi. Стихи. 1900—1903 гг. М. 1904 г.
Андрей Бѣлый. Симфонія. (2-я, драматическая). М. 1902.
А. Добролюбовъ. Собраніе стиховъ. Предисловіе Валерія Брюс и Ив. Коневского. М. 1900 г.
Кнутъ Гамсунъ. Панъ. Пер. С. Полякова. М. 1902 г.
Генрикъ Ибсенъ. Когда мы, мертвые, проснемся. Пер. норвежскаго С. А. Полякова и Ю. Балтрушайтиса. Изд. 1-е и М. 1900 г.
Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Перевелъ И. Рачинскій. М. 1904
М. Кузминъ. Крылья. Изд. I и II.
Д. Мережковскій. Стихи. 1904.
Д. С. Мережковскій. Гоголь и чортъ. 1906.
Д. С. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. М. 1902 г.
М. Мэтерлинкъ. Избіеніе младенцевъ. М. 1904 г.
А. Л. Миропольскій. Лѣствица. Предисловіе Валерія Брюсо М. 1902 г.
С. Пшибышевскій. Homo Sapiens Изд. I и II.
Сѣверные цвѣты на 1903 г. Обложка Л. Бакста. М. 1903 г.